

18+ Фредерик Марриет

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Роман

Фредерик Марриет
Корабль-призрак

«Издательские решения»

Марриет Ф.

Корабль-призрак / Ф. Марриет — «Издательские решения»,

Молодой Филипп Вандердеккен отправляется в опасное плавание по бушующим океанам, чтобы исполнить священный долг и спасти душу своего отца — проклятого капитана «Летучего Голландца». На этом пути его ждут жуткие морские стихии, предательство, зловещий лоцман Шрифтен и мистические испытания, преодолеть которые можно лишь с помощью отваги, глубокой веры и силы истинного прощения. «Корабль-призрак» — захватывающий готический роман классика морского приключения Фредерика Марриета.

© Марриет Ф.

© Издательские решения

Содержание

КАПИТАН	6
Перевод с английского: Дмитрий Корсаков	6
Предисловие	7
Глава 1— I	8
— ПОД ЖИВЫМ СУДОМ	13
Глава 2 — II	15
Глава 3 — III	22
Глава 4 — IV	26
Глава 5 — V	34
Глава 6 — VI	39
Глава 7 — VII	45
Глава 8— VIII	50
Глава 9 — IX	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Корабль-призрак

Фредерик Марриет

Переводчик Дмитрий Корсаков

© Фредерик Марриет, 2026

© Дмитрий Корсаков, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-9566-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**КАПИТАН
ФРЕДЕРИК МАРРИЕТ
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК**

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Предисловие

«Корабль-призрак» — самый заметный из трех романов, созданных Марриетом на исторической основе, и, подобно его предшественнику в той же категории, роману «Снарлейоу», в значительной степени опирается на элементы чертовщины, которыми автор манипулирует очень искусно. Здесь, однако, сверхъестественные явления никогда не объясняются рационально, а призрачные силы вводятся в духе серьезного, пусть и несколько мелодраматического романа. Личный опыт Марриета позволил ему без особых исследований воссоздать живую картину старинного голландского мореходства, а его мастерство в создании колоритных повествований превратило легенду о Вандердекене в захватывающую историю ужасов. Сюжет нельзя назвать оригинальным, но он проработан более тщательно и, благодаря характеру имеющегося материала, более эффективен, чем большинство собственных работ Марриета. Более того, он вдохнул в него жизнь, создав несколько подлинных персонажей, предназначенных для более благородных целей, чем просто приводить в движение повествовательный механизм.

Амине, как отмечает господин Ханней, «является его самой близкой попыткой создать приемлемую героиню». Её романтический и странно суеверный нрав замечательно сдерживается силой воли и истинным мужеством. Сцены инквизиции, в которых она встречает свою смерть, описаны убедительно. Филипп Вандердекен — весьма достойный герой: дерзкий, порывистый и угрюмый, но при этом без неправдоподобных сверхспособностей. Рука судьбы придает ему величие, которого он вполне достоин. Кранц, верный друг, принадлежит к знакомому типу персонажей, но одноглазый лощман достаточно загадочен для той роли, которую ему предстоит сыграть. В остальном перед нами привычные захватывающие приключения на море и на суше; привычный «юмор», в данном случае уж точно не преувеличенный. Скупой доктор Путс; грузный Клотс, его медведь и его суперкарго; Баренц и его сумасшедшая возлюбленная Вроу Катерина; а также маленький португальский комендант обеспечивают читателю разнообразное и добродушное развлечение. Возможно, было сомнительным решением вводить вторую группу духов из гор Гарц, но история об оборотнях рассказана просто, без какого-либо стремления к искусственному эффекту.

Однако общий успех омрачен некоторыми очевидными неудачами в деталях. Попытка придать исторический колорит, заставляя персонажей в спокойные моменты говорить на псевдокупеческом старинном наречии, скорее забавна, чем предосудительна; но философия невидимого мира, излагаемая автором через Амине или Кранца, слаба и утомительна, а его религиозные рассуждения, окрашенные предвзятостью против римских католиков, банальны и неубедительны. Финальная сцена и вовсе напоминает воскресную школу.

Но эти недостатки не бросаются в глаза, и роман в целом должен занять высокое место среди лучших творений автора второго ряда. «Корабль-призрак» выходил в «Новом ежемесячном журнале» в 1838 и 1839 годах. Здесь он перепечатан с первого издания в трех томах, выпущенного Генри Колберном в 1839 году.

Глава 1—I

Примерно в середине семнадцатого века на окраине небольшого, но укрепленного городка Тернёзен, расположенного на правом берегу Шельды, почти напротив острова Валхерен, можно было увидеть — чуть впереди нескольких других, еще более скромных жилищ — маленький, но аккуратный домик, построенный по преобладавшему в то время вкусу. Несколько лет назад его фасад был выкрашен в густой оранжевый цвет, а окна и ставни — в ярко-зеленый. Примерно на три фута выше уровня земли стены были облицованы чередующимися синими и белыми изразцами. Небольшой сад площадью около двух родсов (старинная мера земли) окружал постройку; этот маленький участок был окаймлен невысокой изгородью из бирючины и окружен наполненным водой рвом, слишком широким, чтобы через него можно было легко перепрыгнуть. Через ту часть рва, что находилась прямо перед дверью дома, был перекинут маленький узкий мостик с украшенными железными перилами для безопасности пешеходов. Однако некогда столь яркие краски, украшавшие домик, теперь поблекли; признаки быстрого разрушения отчетливо проступали на оконных рамах, дверных косяках и других деревянных частях жилища, а многие белые и синие изразцы отвалились и так и не были заменены. То, что когда-то об этом маленьком гнездышке пеклись с величайшей заботой, было столь же очевидно, как и то, что в последнее время им совершенно пренебрегали.

Внутри домик как на первом, так и на втором этаже делился на две комнаты побольше спереди и две поменьше сзади. Передние комнаты можно было назвать большими лишь в сравнении с двумя другими, поскольку их размеры едва превышали двенадцать футов в квадрате, и в каждой имелось всего по одному окну. Верхний этаж, как обычно, был отведен под спальни. На нижнем этаже две меньшие комнаты теперь использовались только как прачечная и чулан для хлама, тогда как одна из больших была обустроена под кухню и обставлена буфетами, на которых металлическая кухонная утварь сияла чистотой и была отполирована как серебро. Сама комната отличалась безукоризненной опрятностью, но мебели, как и утвари, было скудно. Половые доски были чисто-белыми и настолько чистыми, что на них можно было положить любую вещь, не боясь испачкать. Крепкий сосновый стол, два стула с деревянными сиденьями и небольшая кушетка, перенесенная из одной из верхних спален, составляли всю обстановку этой комнаты. Другая передняя комната была обустроена как гостиная, но каков был стиль её убранства, оставалось неизвестным, ибо ни один глаз не видел её содержимого на протяжении почти семнадцати лет — всё это время она оставалась наглухо запечатанной даже для самих обитателей дома.

Описанную нами кухню занимали два человека. Одним из них была женщина лет сорока с виду, но изнуренная болью и страданиями. Очевидно, когда-то она обладала редкой красотой: все еще угадывались правильные черты лица, благородный лоб и большие темные глаза; однако в ее облике сквозила крайняя истощенность — лицо ее так исхудало, что кожа казалась прозрачной. Когда она задумывалась, ее лоб прорезали глубокие морщины, слишком преждевременные для ее возраста, а редкий, но лихорадочный блеск глаз наводил на сильную мысль о безумии. Казалось, существовала некая глубокая, неизлечимая, безнадежная причина для душевных терзаний, которая ни на секунду не покидала ее память — застарелая, неизбывная тяжесть, запечатленная на ее лице, избавиться от которой могла лишь смерть. На ней был вдовий чепец того времени; одежда, хоть и чистая, опрятная, изрядно выцвела от долгой носки. Женщина сидела на маленькой кушетке, которую, как мы уже упоминали, явно перенесли сюда ради ее удобства ввиду угасания сил.

На сосновом столе в центре комнаты сидел второй человек — крепкий, белокурый, румяный юноша лет девятнадцати или двадцати. Черты его лица были красивыми и смелыми, а телосложение — на редкость мощным. Его взгляд выражал отвагу и решительность, и когда он

беспечно покачивал ногами, выразительно насвистывая какую-то мелодию, невозможно было не подумать, что перед вами натура дерзкая, предприимчивая и безрассудная.

— Не уходи в море, Филипп; о, обещай мне это, мое дорогое, любимое дитя, — произнесла женщина, сжимая руки.

— А почему бы и не пойти в море, матушка? — ответил Филипп. — Какой толк мне оставаться здесь и голодать? Ибо, клянусь небом, это немногим лучше. Я должен что-то делать ради себя и ради вас. Да и что еще мне остается? Мой дядя Ван Бреннен предложил взять меня с собой и обещает хорошее жалованье. На борту я буду жить счастливо, а моих заработков хватит на то, чтобы содержать вас дома.

— Филипп... Филипп, выслушай меня. Я умру, если ты меня покинешь. Кто у меня есть в этом мире, кроме тебя? О мое дитя, если ты любишь меня — а я знаю, что ты любишь меня, Филипп, — не бросай меня. Но если уж решишь уйти, то, во всяком случае, не ходи в море.

Филипп не ответил сразу; он посвистел еще несколько секунд, пока его мать плакала.

— Неужели из-за того, что мой отец утонул в море, вы так горько умоляете меня, матушка? — спросил он наконец.

— О нет, нет! — воскликнула рыдающая женщина. — О, если бы Богу было угодно...

— Что угодно Богу, матушка?

— Ничего... ничего. Будь милосерден... будь милосерден, о Боже! — ответила мать, соскочив со своего места на кушетке и опускаясь рядом с ней на колени. В этом положении она оставалась некоторое время в горячей молитве.

Наконец она вернулась на свое место, и лицо ее приняло более спокойное выражение. Филипп, который всё это время молчал и пребывал в задумчивости, снова обратился к матери:

— Послушайте, матушка. Вы просите меня остаться с вами на берегу и голодать — довольно суровые условия. А теперь послушайте, что скажу я. Та комната напротив заперта сколько я себя помню. Почему — вы мне никогда не говорите. Но однажды я слышал, как вы сказали, когда у нас не было хлеба и надежды на возвращение дяди... вы тогда были вне себя от горя, матушка, как сами знаете, с вами это порой случается...

— Ну и что же, Филипп, что ты слышал? — спросила мать с трепетной тревогой.

— Вы сказали, матушка, что в той комнате есть деньги, которые могли бы нас спасти, а потом закричали, стали бредить и твердить, что предпочитаете смерть. Так вот, матушка, что находится в той комнате и почему она так долго заперта? Либо я узнаю это, либо уйду в море.

В начале этой речи Филиппа его мать, казалось, оцепенела и замерла, словно изваяние; постепенно ее губы разомкнулись, а глаза дико заблестели. Похоже, она потеряла способность отвечать. Она прижала руку к правому боку, словно пытаясь сдвинуть его, затем прижала обе руки, как бы стремясь избавиться от мучительной пытки. Наконец она повалилась головой вперед, и из ее рта хлынула кровь.

Филипп спрыгнул со стола к ней на помощь и удержал её от падения на пол. Он уложил её на кушетку, со страхом наблюдая за непрекращающимся излиянием.

— О, матушка... матушка, что это такое? — закричал он наконец в великом отчаянии.

Некоторое время мать не могла ответить ему; она повернулась на бок, чтобы не задохнуться от выделений из разорвавшегося сосуда, и белоснежные доски пола вскоре окрасились её кровью.

— Заговорите, дорогая матушка, если можете, — в агонии повторял Филипп. — Что мне делать? Что мне вам дать? Господи Всемогуций, что же это?

— Смерть, мое дитя, смерть! — наконец ответила несчастная женщина, впадая в беспамятство.

Филипп, сильно испугавшись, выбежал из домика и позвал соседей на помощь матери. Двое или трое поспешили на зов, и как только Филипп увидел, что они заняты приведением его матери в чувство, он со всех ног бросился к дому лекаря, который жил примерно в миле

от них, — некоему господину Путсу, маленькому, жалкому, скупому бедолаге, но известному своим великим мастерством в своем деле. Филипп застал Путса дома и стал настаивать на его немедленном приходе.

— Я приду... да, разумеется, — ответил Путс, который говорил на местном языке весьма несовершенно. — Но, господин Вандердекен, кто мне заплатит?

— Заплатит! Мой дядя заплатит, как только вернется домой.

— Ваш дядя, шкипер Ван Бреннен? Нет, он должен мне четыре гульдена, и должен уже очень давно. К тому же его корабль может утонуть.

— Он заплатит вам и те четыре гульдена, и за этот визит тоже! — в ярости воскликнул Филипп. — Идите немедленно, пока вы спорите, моя мать может умереть.

— Но, господин Филипп, я не могу прийти, теперь я вспомнил: мне нужно навестить ребенка бургомистра в Тернёзене, — ответил господин Путс.

— Послушайте меня, господин Путс! — воскликнул Филипп, покраснев от гнева. — Вам остается только выбирать: пойдете ли вы добром или мне придется притащить вас силой? Шутить со мной не вздумайте.

Тут господин Путс не на шутку перепугался, ибо характер Филиппа Вандердекена был хорошо известен.

— Я приду чуть позже, господин Филипп, если смогу.

— Вы пойдете сейчас же, несчастный старый скряга! — крикнул Филипп, хватая чело-вечка за воротник и выволакивая его из дверей.

— Убивают! Убивают! — завопил Путс, потеряв опору под ногами, когда порывистый юноша потащил его за собой.

Филипп остановился, заметив, что лицо Путса начало синеть.

— Мне что, задушить вас, чтобы вы шли смирно? Ибо послушайте меня: вы пойдете туда в любом случае, живым или мертвым.

— Ну что ж, — ответил Путс, приходя в себя, — я пойду, но сегодня же ночью ты ока-жешься в тюрьме. Что же касается твоей матери, то я не стану... нет, клянусь, я пальцем не шевельну, господин Филипп, так и знай.

— Послушайте меня, господин Путс, — ответил Филипп. — Как верно то, что на небесах есть Бог: если вы не пойдете со мной, я задушу вас прямо сейчас. А когда мы придем, если вы не сделаете всё возможное для моей бедной матери, я убью вас прямо там. Вы знаете, что я всегда держу свое слово, так что примите мой совет — идите смирно. И вам обязательно заплатят, и заплатят хорошо, даже если мне придется продать собственную куртку.

Это последнее замечание Филиппа, пожалуй, возымело большее действие, чем даже его угрозы. Путс был жалким маленьким созданием и казался ребенком в мощной хватке юноши. Жилище лекаря стояло на отшибе, и он не мог рассчитывать на помощь, пока они не подошли бы ярдов на сто к домику Вандердекена. Поэтому господин Путс рассудил, что все-таки пойдет: во-первых, потому что Филипп пообещал заплатить, а во-вторых, потому что у него просто не было выбора.

Уладив этот вопрос, Филипп и господин Путс со всей скоростью поспешили к домику. Прибыв на место, они застали мать Филиппа все еще на руках у двух соседок, которые смачи-вали ее виски уксусом. Она пришла в сознание, но говорить не могла. Путс приказал отнести ее наверх и уложить в постель и, влив ей в рот какую-то кислую микстуру, поспешил уйти вместе с Филиппом, чтобы приготовить необходимые лекарства.

— Вы дадите это вашей матери немедленно, господин Филипп, — сказал Путс, протяги-вая ему склянку. — Сейчас я схожу к ребенку бургомистра, а после вернусь к вам.

— Не вздумайте меня обмануть, — произнес Филипп с угрожающим видом.

— Нет-нет, господин Филипп. Я бы не стал доверять в вопросах оплаты вашему дяде Ван Бреннену, но вы пообещали, а я знаю, что вы всегда держите слово. Через час я буду у вашей матери, но вам самому сейчас нужно поторапливаться.

Филипп поспешил домой. После того как лекарство было принято, кровотечение полностью остановилось, и через полчаса мать уже могла шепотом выражать свои желания. Когда маленький лекарь вернулся, он тщательно осмотрел пациентку, а затем спустился вместе с ее сыном вниз, на кухню.

— Господин Филипп, — сказал Путс, — клянусь Всевышним, я сделал все, что мог, но должен прямо сказать: у меня мало надежды на то, что ваша мать снова поднимется с постели. Она может прожить день или два, но не больше. Это не моя вина, господин Филипп, — добавил Путс заискивающим тоном.

— Нет, нет; на то воля Небес, — печально ответил Филипп.

— И вы заплатите мне, господин Вандердекен? — продолжил лекарь после короткой паузы.

— Да! — громовым голосом ответил Филипп, очнувшись от своих мыслей.

После минутного молчания лекарь возобновил разговор:

— Приходить ли мне завтра, господин Филипп? Вы же понимаете, что это обойдется еще в один гульден, а бросать на ветер деньги или время не имеет никакого смысла.

— Приходите завтра, приходите хоть каждый час, берите сколько угодно — вам обязательно заплатят, — ответил Филипп, презрительно скривив губы.

— Ну, как вам будет угодно. Как только она умрет, дом и обстановка перейдут к вам, и вы, конечно же, их продадите. Да, я приду. У вас будет полно денег. Господин Филипп, я бы хотел первым предложить цену за этот домик, если вы решите его сдать.

Филипп замахнулся, словно собираясь раздавить господина Путса, и тот попятился в угол.

— Я имел в виду — не раньше, чем вашу мать похоронят, — вкрадчиво добавил Путс.

— Убирайся, несчастный, убирайся! — произнес Филипп, закрывая лицо руками и опускаясь на испятнанную кровью кушетку.

Спустя короткое время Филипп Вандердекен вернулся к постели матери, которой стало гораздо лучше. Соседки, у которых хватало собственных забот, оставили их одних. Обессиленный от потери крови, бедная женщина спала много часов подряд, и все это время она не выпускала руки Филиппа, который в скорбном раздумье бодрствовал у ее изголовия, прислушиваясь к ее дыханию.

Было около часа ночи, когда вдова проснулась. К ней в значительной степени вернулся голос, и она так обратилась к сыну:

— Мой дорогой, мой порывистый мальчик, неужели я так долго держала тебя здесь взаперти?

— Мое собственное желание удерживало меня здесь, матушка. Я не оставлю вас на попечение других, пока вы не подниметесь и не поправитесь.

— Этому, Филипп, уже не бывать. Я чувствую, что смерть заявляет на меня свои права; и, о мой сын, если бы не ты, с какой радостью покинула бы я этот мир! Я уже давно умираю, Филипп... и долго, очень долго я молила о смерти.

— Но почему же, матушка? — резко ответил Филипп. — Ведь я делал все, что было в моих силах.

— Да, мое дитя, да, и да благословит тебя Бог за это. Я часто видела, как ты обуздывал свой пылкий нрав, сдерживал себя, когда имел полное право гневаться, лишь бы пощадить чувства матери. Вот уже несколько дней, как даже голод не заставил тебя послушаться меня. И, Филипп, ты, должно быть, считал меня безумной или глупой из-за того, что я так долго упорствовала и при этом не называла причин. Я поговорию... еще... сейчас.

Вдова повернула голову на подушке и несколько минут лежала тихо; затем, словно окрепнув, продолжила:

— Полагаю, временами я и впрямь была безумна... не так ли, Филипп? И видит Бог, в моем сердце таилась тайна, способная довести любую жену до иступления. Она давила на меня день и ночь, изнуряла мой ум, разрушала разум и теперь, наконец, слава Небесам, одолела эту смертную плоть. Удар нанесен, Филипп, я в этом уверена. Я жду лишь возможности поведать тебе всё... и в то же время мне не хотелось бы, ведь это помутит твой рассудок так же, как помутило мой, Филипп.

— Матушка, — серьезно ответил Филипп, — заклинаю вас, откройте мне эту убийственную тайну. Будь в ней замешаны небеса или преисподняя, я не убоюсь. Небеса не причинят мне вреда, а сатану я презираю.

— Я знаю твой дерзкий, гордый дух, Филипп, твою душевную стойкость. Если кто и способен вынести бремя столь ужасного повествования, так это ты. Мой разум, увы, оказался слишком слаб для этого, и теперь я вижу, что мой долг — открыть всё тебе.

Вдова умолкла, когда ее мысли вернулись к тому, что ей предстояло доверить сыну. Несколько минут слезы лились по ее впалым щекам; затем она, казалось, собралась с духом и вновь обрела силы.

— Филипп, я хочу поговорить о твоём отце. Принято считать... что он... утонул в море.

— Разве это не так, матушка? — с удивлением спросил Филипп.

— О, нет!

— Но ведь он уже давно мертв, матушка?

— Нет... да... и все же... нет, — произнесла вдова, закрывая глаза.

«Ее разум блуждает во тьме», — подумал Филипп, но снова заговорил:

— Тогда где же он, матушка?

Вдова приподнялась, и видимая дрожь пробежала по всему ее телу, когда она ответила:

— ПОД ЖИВЫМ СУДОМ

Несчастливая женщина снова опустилась на подушку и укрылась с головой одеялом, словно пытаясь спрятаться от собственных воспоминаний. Филипп был настолько озадачен и потрясен, что не смог ничего ответить. Воцарилось молчание, длившееся несколько минут. Наконец, не в силах больше выносить муку неизвестности, Филипп едва слышно прошептал:

— Тайну, матушка, тайну! Скорее, откройте мне ее.

— Теперь я могу рассказать всё, Филипп, — ответила его мать торжественным голосом. — Выслушай меня, мой сын. Нрав твоего отца был слишком похож на твой собственный. О, пусть его жестокая судьба послужит уроком тебе, мое дорогое, любимое дитя! Он был смелым, дерзким и, как говорили, первоклассным моряком. Он родился не здесь, а в Амстердаме, но не захотел там жить, потому что оставался верен католической религии. Голландцы, ты знаешь, Филипп, с точки зрения нашей веры — еретики. Прошло уже семнадцать лет или даже больше с тех пор, как он отплыл в Индию на своем прекрасном корабле «Амстердамец» с ценным грузом. Это было его третье плавание в Индию, Филипп, и оно должно было стать, если бы то было угодно Богу, его последним походом. Ведь он купил этот добрый корабль лишь на часть своих заработков, и еще одно плавание обеспечило бы ему состояние. О, как часто мы обсуждали, что будем делать по его возвращении! И как эти планы на будущее утешали меня при мысли о его отсутствии, ведь я нежно любила его, Филипп, — он всегда был добр и ласков со мной. А после того как он ушел в море, как я ждала его возвращения! Доле жены моряка не позавидуешь. Одинокая и покинутая на долгие месяцы, ты сидишь, глядя на длинный фитиль свечи, и слушаешь завывание ветра, предчувствуя беду, несчастье, кораблекрушение и вдовство. Прошло около шести месяцев с его отъезда, Филипп, и оставался еще долгий, унылый год ожидания, прежде чем я могла рассчитывать на его возвращение. Однажды ночью ты, мое дитя, крепко спал; ты был моим единственным утешением, моей отрадой в одиночестве. Я сидела над тобой, пока ты спал; ты улыбнулся и сквозь сон произнес слово «мама». Наконец я поцеловала твои невинные губы, опустилась на колени и стала молиться — молиться о Божьем благословении для тебя, мое дитя, и для него тоже... даже не думая в тот миг, что он был так ужасно, так страшно ПРОКЛЯТ.

Вдова остановилась, чтобы перевести дух, а затем продолжила. Филипп не мог промолвить ни слова. Его губы приоткрылись, а глаза приковались к матери — он буквально пожирал ее слова.

— Я оставила тебя и спустилась вниз, в ту самую комнату, Филипп, которая с той жуткой ночи больше никогда не открывалась. Я села и принялась за чтение, потому что ветер дул с огромной силой, а когда разыгрывается буря, жена моряка редко может уснуть. Было за полночь, и лил проливной дождь. Меня охватил необычайный страх, сама не знаю почему. Я поднялась с кушетки, опустила палец в святую воду и перекрестилась. Яростный порыв ветра взревел вокруг дома, напугав меня еще сильнее. У меня было тягостное, ужасное предчувствие, как вдруг окна и ставни сорвало ветром внутрь дома, свеча погасла, и я осталась в кромешной тьме. Я закричала от испуга, но в конце концов пришла в себя и направилась к окну, чтобы закрыть его. И тут — кого же я вижу медленно входящим через оконный проем, как не твоего отца, Филипп! Да, Филипп, это был твой отец!

— Боже милосердный! — пробормотал Филипп низким голосом, сорвавшимся почти на шепот.

— Я не знала, что и думать. Он находился в комнате, и хотя темнота была глубокой, его фигура и черты лица были видны так ясно и отчетливо, словно стоял полдень. Страх заставлял меня отпрянуть, но любовь к нему побуждала броситься навстречу. Я оставалась на месте, задыхаясь от мучительных чувств. Когда он вошел в комнату, окна и ставни закрылись сами

собой, а свеча снова зажглась. Тогда я подумала, что передо мной его призрак, и упала без чувств на пол.

— Когда я пришла в себя, то обнаружила, что лежу на кушетке, и почувствовала, что чья-то холодная (о, какая холодная!) и мокрая рука сжимает мою. Это успокоило меня, и я забыла о сверхестественных знамениях, сопровождавших его появление. Я решила, что с ним случилось несчастье и он просто вернулся домой. Открыв глаза, я увидела своего любимого мужа и бросилась к нему в объятия. Его одежда насквозь пропиталась дождем; мне казалось, будто я обнимаю глыбу льда, но ничто не может удержать теплоту женской любви, Филипп. Он принял мои ласки, но сам не обнял меня в ответ; он не произнес ни слова, а лишь выглядел задумчивым и несчастным. «Уильям... Уильям! — закричала я. — Заговори, Вандердекен, скажи хоть слово твоей дорогой Катарине!»

«Я заговорю, — ответил он торжественно, — ибо мое время на исходе».

«Нет, нет, ты больше не должен ходить в море! Пусть ты потерял свой корабль, но сам ты спасся. Разве ты снова не со мной?»

«Увы, нет... не пугайся, но слушай, ибо мое время на исходе. Я не потерял свой корабль, Катарина, **НО Я ПОТЕРЯЛ СВОЮ ДУШУ!!!** Не отвечай мне, а слушай; я не мертв, но и не жив. Я нахожусь между этим миром и миром духов. Внемли мне.

Девять недель подряд я пытался пробиться сквозь бушующие стихии в обход грозного Мыса, но безуспешно; и я страшно клялся. Еще девять недель я нес паруса наперекор встречным ветрам и течениям, но так и не продвинулся ни на пядь; и тогда я стал богохульствовать... да, ужасно богохульствовать. Но все же я упорствовал. Команда, измотанная долгой усталостью, умоляла меня вернуться в Столовую бухту, но я отказался; более того, я стал убийцей — непреднамеренно, это правда, но все же убийцей. Лоцман воспротивился мне и убедил людей связать меня, и в избытке ярости, когда он схватил меня за воротник, я ударил его. Он покачнулся и при внезапном толчке корабля упал за борт и пошел ко дну. Даже эта страшная смерть не остановила меня, и я поклялся частицей Святого Креста, хранящейся в том самом медальоне, что сейчас висит у тебя на шее, что я добьюсь своего наперекор штормам и морям, молниям, небесам или преисподней, даже если мне придется скитаться до самого Дня Страшного суда!

Моя клятва была запечатлена громом и потоками серного огня. Ураган обрушился на корабль, парусина разлетелась в клочья, горы волн захлестнули нас, и посреди глубокой нависшей тучи, окутавшей все кромешной тьмой, багровыми буквами пламени были начертаны слова: **ДО ДНЯ СТРАШНОГО СУДА.**

Послушай меня, Катарина, мое время на исходе. Остается лишь одна Надежда, и ради нее мне дозволено явиться сюда. Возьми это письмо». Он положил запечатанную бумагу на стол. «Прочти его, дорогая Катарина, и попробуй узнать, можешь ли ты мне помочь. Прочти, а теперь прощай — мое время пришло».

И снова окна и ставни распахнулись с грохотом, снова погас свет, и фигуру моего мужа словно унесло в темное пространство. Я вскочила и бросилась за ним с протянутыми руками и безумными криками, когда он вылетал в окно; мои широко раскрытые глаза видели, как его силуэт мчался подобно молнии на крыльях дикой бури, пока не превратился в светящуюся точку, а затем и вовсе исчез. Окна снова закрылись, свеча загорелась, и я осталась одна!

— Небеса, помилуйте! Мой разум!.. Мой разум!.. Филипп!.. Филипп! — истошно закричала несчастная женщина. — Не покидай меня... не надо... не надо... умоляю, не надо!

Во время этих выкликов обезумевшая вдова приподнялась с постели и в конце концов упала на руки своего сына. Она оставалась в таком положении несколько минут без малейшего движения. Спустя некоторое время Филиппа встревожило её долгое затишье; он аккуратно уложил её обратно на постель, и в этот миг её голова безжизненно откинулась назад, а глаза закрылись — вдовы Вандердекен больше не стало.

Глава 2 — II

Филипп Вандердекен, как ни был он крепок духом, оказался почти парализован потрясением, когда обнаружил, что душа его матери отлетела; некоторое время он оставался у постели, устремив взгляд на покойную, а его разум пребывал в полном оцепенении. Постепенно он пришел в себя; поднялся, поправил подушку, закрыл её веки и затем, сжав руки, безмолвно заплакал — слезы покатались по его мужественным щекам. Он запечатлел торжественный поцелуй на бледном, белом лбу усопшей и задернул полог вокруг кровати.

— Бедная матушка! — скорбно произнес он, завершив свой труд. — Наконец-то ты обрела покой... но оставила своему сыну горькое наследство.

И стоило мыслям Филиппа вернуться к произошедшему, как ужасный рассказ завертелся в его воображении, обжигая разум. Он прижал руки к вискам, сильно сдавил их и попытался собраться с мыслями, чтобы решить, какие меры ему следует предпринять. Он чувствовал, что у него нет времени предаваться горю. Мать покоилась с миром; но отец — где был он? Он вспомнил слова матери: «Остается лишь одна Надежда». Значит, надежда все-таки была. Отец положил на стол какую-то бумагу — могла ли она до сих пор быть там? Да, непременно; у матери не хватило мужества взять её. В той бумаге таилась надежда, и она лежала нераспечатанной более семнадцати лет. Филипп Вандердекен твердо решил, что осмотрит роковую комнату — он хотел узнать худшее прямо сейчас. Сделать ли это немедленно или дождаться рассвета? Но где же ключ? Его взгляд упал на старинный лакированный шкафчик, стоявший в комнате. Он никогда не видел, чтобы мать открывала его в его присутствии; это было единственное известное ему место, где мог прятаться тайник. Быстрый во всех своих решениях, он взял свечу и приступил к осмотру. Шкафчик не был заперт; дверцы распахнулись, и ящик за ящиком были тщательно проверены, но Филипп так и не обнаружил предмета своих поисков. Снова и снова выдвигал он ящики, но все они были пусты. Филиппу пришло в голову, что там могут быть потайные отделения, и он какое-то время безуспешно их искал. Наконец он вынул все ящики, сложил их на пол и, сняв шкафчик с подставки, потряс его. Постукивание в одном из углов подсказало ему, что ключ, по всей вероятности, спрятан именно там. Он возобновил попытки понять, как до него добраться, но тщетно.

Дневной свет уже лился через оконные переплеты, а Филипп всё не прекращал своих усилий. Наконец, в крайнем утомлении, он решил взломать заднюю стенку шкафчика. Он спустился на кухню и вернулся с небольшим секачом и молотком. Юноша стоял на коленях, усердно выламывая деревянную панель, когда чья-то рука опустилась ему на плечо.

Филипп вздрогнул. Он был настолько поглощен своими поисками и безумными, сменяющимися друг друга мыслями, что не услышал звука приближающихся шагов. Он поднял глаза и увидел отца Сейсена, священника этого небольшого прихода, который строго смотрел на него. Доброму пастырю сообщили о тяжелом состоянии вдовы Вандердекен, и он поднялся с рассветом, чтобы навестить её и даровать духовное утешение.

— Что же ты делаешь, сын мой? — произнес священник. — Неужели ты не боишься потревожить покой своей матери? И неужто ты готов воровать и расхищать имущество еще до того, как её предали земле?

— Я не боюсь потревожить покой моей матери, добрый отче, — ответил Филипп, поднимаясь на ноги, — ибо ныне она покоится среди блаженных. И я ничего не ворую и не расхищаю. Не золото я ищу, хотя, если бы золото здесь и было, оно теперь по праву принадлежало бы мне. Я ищу лишь ключ, который, как я полагаю, давно спрятан внутри этого потайного ящика, а как его открыть — загадка выше моего понимания.

— Твоей матери больше нет, говоришь ты, сын мой? И она умерла, не сподобившись таинств нашей святейшей церкви! Отчего же ты не послал за мной?

— Она умерла, добрый отче, внезапно, совершенно внезапно, на этих самых руках около двух часов назад. Я не боюсь за её душу, хотя и искренне горюю, что вас не оказалось рядом.

Священник осторожно раздвинул полог и посмотрел на усопшую. Он окропил постель святой водой, и некоторое время его губы беззвучно двигались в тайной молитве. Затем он повернулся к Филиппу:

— Почему же я вижу тебя за этим занятием? И отчего ты так сильно жаждешь заполучить этот ключ? Кончина матери должна вызывать сыновние слезы и молитвы за её упокоевание. Однако глаза твои сухи, и ты занят суетными поисками, пока еще тепла та обитель, которая только что хранила её дух. Это недостойно, Филипп. Что за ключ ты ищешь?

— Отче, у меня нет времени для слез, нет времени, чтобы тратить его на скорбь или стенания. Мне нужно многое сделать, а обдумать предстоит еще больше, чем разум способен объять. То, что я любил свою мать, вам прекрасно известно.

— Но ключ, который ты ищешь, Филипп?

— Отче, это ключ от комнаты, которую не отпирали долгие годы. Я должен, я обязан её открыть, даже если...

— Если что, сын мой?

— Я собирался сказать то, чего говорить не следовало. Простите меня, отче; я лишь имел в виду, что должен обыскать эту комнату.

— Я давно слышал о том, что эта комната заперта. И то, что твоя мать не желала объяснять причины, мне хорошо известно: я сам спрашивал её об этом, но получал отказ. Более того, когда я по долгу службы настаивал на этом вопросе, я замечал, что её рассудок мутился от моей настойчивости, а потому я оставил эти попытки. Какая-то тяжкая ноша давила на душу твоей матери, сын мой, но она так и не исповедалась и не доверила её мне. Скажи, перед смертью узнал ли ты от неё эту тайну?

— Узнал, святой отче.

— Не принесло ли бы тебе облегчение, если бы ты доверился мне, сын мой? Я мог бы дать совет, помочь...

— Отче, я бы и впрямь хотел... я мог бы доверить её вам и просить о помощи. Я знаю, что вы хотите узнать её не из праздного любопытства, а из лучших побуждений. Но из того, что мне было рассказано, еще не ясно — правда ли всё то, о чем поведала моя бедная мать, или же это лишь призрак воспаленного разума. Если это действительно правда, я бы охотно разделил это бремя с вами, да только вряд ли вы поблагодарите меня за столь тяжкую ношу. Но нет... по крайней мере, не сейчас. Это не должно и не может быть раскрыто. Я должен исполнить свой труд — войти в эту ненавистную комнату в одиночестве.

— И ты не боишься?

— Отче, я не боюсь ничего. Мне предстоит исполнить долг — ужасный долг, признаю; но умоляю вас, не спрашивайте больше. Ибо, как и в случае с моей бедной матерью, мне кажется, что попытка разворошить эту рану лишит меня половины рассудка.

— Я не стану больше настаивать, Филипп. Возможно, придет время, когда я смогу оказаться полезным. Прощай, дитя мое; но умоляю тебя, прекрати этот недостойный труд. Мне нужно прислать соседок, чтобы они исполнили долг перед твоей усопшей матерью, чья душа, я верю, уже пребывает с её Богом.

Священник посмотрел на Филиппа и заметил, что мысли юноши витают где-то далеко. В его облике сквозила отрешенность и явное душевное оцепенение. Уходя, добрый пастырь покачал головой.

«Он прав», — подумал Филипп, едва оставшись в одиночестве. Он поднял шкафчик и водрузил его обратно на подставку. — «Несколько часов ничего не изменят. Прилягу, а то голова идет кругом».

Филипп прошел в соседнюю комнату, бросился на кровать и через несколько минут уснул так же крепко, как спит приговоренный к казни за несколько часов до исполнения приговора.

Пока он спал, пришли соседки и приготовили всё необходимое для погребения вдовы. Они старались не разбудить сына, ибо свято почитали сон тех, кому суждено проснуться для горя.

Среди прочих вскоре после полудня явился и господин Путс. Ему уже сообщили о кончине вдовы, но, имея свободный час, он рассудил, что не лишним будет заглянуть, ведь это увеличит его счет еще на один гульден. Сперва он зашел в комнату, где покоилось тело, а оттуда проследовал в спальню Филиппа и потряс его за плечо.

Филипп проснулся и, сев на постели, увидел стоявшего перед ним лекаря.

— Ну что ж, господин Вандердекен, — начал этот бездушный человечек, — вот всё и кончено. Я знал, что так и будет. И учтите, вы теперь должны мне еще один гульден, а ведь вы твердо обещали заплатить. Итого вместе с микстурой выходит три с половиной гульдена — разумеется, при условии, что вы вернете мою склянку.

Филипп, поначалу растерявшийся от внезапного пробуждения, за время этой речи постепенно пришел в себя.

— Вы получите свои три с половиной гульдена, господин Путс, да еще и склянку в придачу, — ответил он, поднимаясь с кровати.

— Да, да, я знаю, вы намерены заплатить мне... если сможете. Но послушайте, господин Филипп, до того, как вы продадите этот домик, может пройти немало времени. Покупатель ведь может и не найтись. Я никогда не желаю быть суровым с людьми, у которых нет денег, а потому скажу, как мы поступим. На шее вашей матери висит одна вещица. Она не имеет никакой ценности, решительно никакой, разве что для доброго католика. Чтобы помочь вам в вашем затруднении, я заберу эту вещицу, и тогда мы будем квиты. Вы расплатитесь со мной, и делу конец.

Филипп слушал спокойно. Он прекрасно понимал, о чем толкует старый скряга, — о медальоне на шее его матери, о том самом святом залоге, на котором отец принес свою роковую клятву. Он чувствовал, что и миллионы гульденов не заставили бы его расстаться с этой святыней.

— Покиньте дом, — отрезал он. — Оставьте его немедленно. Ваши деньги будут уплачены.

Между тем господин Путс, во-первых, отлично знал, что оправа медальона, представлявшая собой четырехугольную рамку из чистого золота, стоила гораздо больше всей причитавшейся ему суммы. Ему также было известно, что за саму святыню в свое время была отдана крупная цена, а поскольку в те дни подобные вещи ценились чрезвычайно высоко, он не сомневался, что за нее снова можно выручить немалые деньги. Соблазнившись этим зрелищем при входе в покойницу, он уже снял медальон с шеи усопшей, и в этот самый миг святыня была надежно припрятана у него за пазухой. Поэтому он возразил:

— Мое предложение весьма выгодно, господин Филипп, и вам лучше бы согласиться. Какая вам польза от этого хлама?

— Я говорю вам — нет! — в ярости крикнул Филипп.

— Ну что ж, тогда позвольте мне поддержать ее у себя, пока мне не заплатят, господин Вандердекен, это будет справедливо. Я не должен терять свои деньги. Когда вы принесете мне мои три с половиной гульдена и склянку, я верну ее вам.

Негодование Филиппа теперь не знало границ. Он схватил господина Путса за воротник и вышвырнул его за дверь.

— Вон отсюда немедленно, — закричал он, — не то, клянусь!..

Филиппу не было нужды оканчивать проклятие. Лекарь припустил с таким испугом, что скатился кубарем с доброй половины лестницы и, прихрамывая, побежал прочь через мостик.

Он уже почти жалел, что медальон оказался у него, но стремительное бегство лишило его возможности — даже будь у него такое желание — вернуть вещь покойнице.

Итогом этой беседы стало то, что мысли Филиппа естественным образом обратились к святыне, и он вошел в комнату матери, чтобы забрать её. Он раздвинул полог — усопшая лежала прибранная, — он протянул руку, чтобы развязать черную ленту. Её там не было.

— Пропала! — воскликнул Филипп. — Соседки вряд ли бы её сняли... никогда бы они этого не сделали. Это, должно быть, тот негодяй Путс... мерзавец! Но я отниму её, даже если он её проглотил, пускай мне придется разорвать его в клочья!

Филипп ринулся вниз по лестнице, вылетел из дома, одним махом перемахнул через ров и, без куртки и шляпы, пустился бегом в сторону уединенного жилища лекаря. Соседи видели, как он промчался мимо них подобно вихрю; они удивлялись и качали головами. Господин Путс не прошел еще и половины пути до дома, так как повредил лодыжку. Опасаясь того, что может произойти, если кража откроется, он время от времени оглядывался назад. Наконец, к своему ужасу, он увидел вдали Филиппа Вандердекена, который мчался за ним в погоню.

Испуганный почти до потери сознания, жалкий воришка едва понимал, как поступить. Его первой мыслью было остановиться и выдать украденное, но страх перед яростью Вандердекена удержал его. Тогда он решил со всех ног бежать дальше, надеясь добраться до дома, забаррикадироваться и таким образом удержать похищенное или, по крайней мере, выставить свои условия, прежде чем вернуть вещь.

Господину Путсу нужно было бежать быстро, и он бежал: его тонкие ноги стремительно несли иссохшее тело по земле. Однако Филипп, который при виде попытки лекаря скрыться окончательно убедился в его виновности, удвоил усилия и быстро настигал беглеца. Когда до собственной двери оставалось не более ста ярдов, господин Путс услышал за спиной нагоняющие его гулкие шаги Филиппа и в отчаянии рванулся из последних сил. Шаги звучали все ближе и ближе, пока наконец он не услышал само дыхание преследователя. От страха Путс завизжал, словно заяц в зубах борзой. Филипп был уже в ярде от него; его рука была простерта, как вдруг негодяй рухнул наземь, парализованный ужасом. Напор Вандердекена был столь велик, что он перелетел через его тело, споткнулся и, тщетно пытаясь удержать равновесие, покатился по земле. Это и спасло маленького лекаря, послужив подобием заячьего витка. Через секунду он уже снова был на ногах, и прежде чем Филипп успел подняться и вновь набрать скорость, Путс вбежал в дом и задвинул засов.

Однако Филипп был твердо намерен вернуть бесценное сокровище. Тяжело дыша, он огляделся по сторонам в поисках хоть какого-то способа ворваться в дом силой. Но поскольку жилище лекаря стояло на отшибе, хозяин принял все меры, чтобы обезопасить его от грабежа: нижние окна были наглухо забаррикадированы и укреплены, а окна верхнего этажа располагались слишком высоко, чтобы кто-то мог через них проникнуть.

Здесь следует заметить, что хотя господин Путс, благодаря своим известным способностям, имел хорошую практику, его слава жестокосердного, бездушного скряги была непреклонна. Никому не позволялось переступать его порог, да, по правде говоря, никто к этому и не стремился. Он был так же изолирован от ближних, как и его жилище, и появлялся на людях только в покоях болезней и смерти. Из кого состояло его домашнее хозяйство — никто не знал. Когда он только поселился в этих краях, на стук искавших лекаря людей изредка отвечала дряхлая старуха, но её уже давно похоронили. С тех пор на любые призывы у двери господин Путс отвечал лично, если был дома, а если его не было — на самые настойчивые стуки никто не отзывался. Из-за этого поговаривали, будто старик живет совершенно один, будучи слишком прижимистым, чтобы платить за какую бы то мне было прислугу. Так думал и Филипп. Едва переведя дух, он принялся измышлять план, который позволил бы ему не только вернуть украденную святыню, но и свершить жестокую месть.

Дверь была крепкой, и её невозможно было выломать никакими средствами, оказавшимися под рукой у Вандердекена. На несколько минут он замер, чтобы поразмыслить, и пока он размышлял, гнев его поутих. Юноша решил, что будет вполне достаточно вернуть свою святыню, не прибегая к насилию. Поэтому он громко прокричал:

— Господин Путс, я знаю, что вы меня слышите! Верните мне то, что вы забрали, и я не причиню вам вреда. Но если вы откажетесь, пеняйте на себя, ибо вы поплатитесь жизнью прежде, чем я покину это место!

Господин Путс действительно очень отчетливо слышал эту речь, однако маленький скряга уже оправился от испуга. Считая себя в полной безопасности, он не мог заставить себя отдать медальон без борьбы. Лекарь ничего не ответил, надеясь, что терпение Филиппа иссякнет, и что благодаря какому-нибудь уговору — вроде уступки нескольких гульденов, что было немаловажно для столь нуждающегося человека, как Филипп, — ему удастся сохранить вещь, за которую, как он был уверен, можно выручить круглую сумму.

Вандердекен, видя, что ответа не последовало, разразился суровыми проклятиями, а затем решил на меры, которые уж точно нельзя было назвать нерешительными.

Неподалеку от дома стоял небольшой стог сухого корма, а под самой стеной громоздилась поленница дров для растопки. С их помощью Вандердекен вознамерился поджечь дом, дабы, если и не вернуть святыню, то хотя бы сполна отомстить. Он принес несколько охапок сена и сложил их у двери дома, а сверху набросал хворост и бревна, пока дверь полностью не скрылась под ними. Затем он добыл огонь с помощью огнива, кремня и трута, которые каждый голландец носит в своем кармане, и очень скоро раздул из этой кучи пламя. Пока внизу бушевал пожар, столбы дыма взмывали к самым стропилам крыши. Дверь загорелась, лишь увеличивая ярость огня, и Филипп громко закричал от радости, видя успех своего замысла.

— Теперь, жалкий осквернитель мертвых, теперь, презренный вор, ты познаешь мое мщение! — во весь голос крикнул Филипп. — Если ты останешься внутри, то погибнешь в огне; если попытаешься выйти — примешь смерть от моих рук! Вы слышите, господин Путс, вы слышите?!

Едва Филипп окончил эту речь, как окно верхнего этажа, расположенное дальше всего от пылающей двери, распахнулось настежь.

— Ага! Теперь ты явился, чтобы умолять и просить о пощаде! Но нет, нет!.. — крикнул Филипп и осекся.

Он замер, увидев в окне то, что показалось ему чудесным видением: вместо жалкого старика-скряги пред ним предстало одно из прекраснейших творений, какие только ваяла Природа. Это было ангельское существо лет шестнадцати или семнадцати, являвшее полное спокойствие и решимость посреди угрожавшей ей опасности. Её длинные черные волосы были заплетены и уложены вокруг изящной головы; глаза были большими, глубокими, темными и в то же время мягкими; лоб — высоким и белым, на подбородке виднелась ямочка, а алые губы были изогнуты тонко и благородно; нос был маленьким и прямым. Трудно было вообразить лицо прекраснее; оно напоминало те образы, которые лучшим из живописцев лишь в самые счастливые мгновения удавалось воплотить на холсте, когда они стремились изобразить прекрасную святую. И поскольку языки пламени клубились, а дым вырывался столбами и пронёсился мимо окна, её безмятежный вид мог бы напомнить вам мученицу на костре.

— Чего ты хочешь, неистовый юноша? Почему обитатели этого дома должны принять смерть от твоих рук? — с полным самообладанием спросила дева.

Несколько секунд Филипп лишь безмолвно созерцал её, не в силах вымолвить ни слова. Затем его пронзила мысль, что в своем стремлении к мщению он едва не принес в жертву такую неопишемую красоту. Он позабыл обо всем, кроме угрожавшей ей опасности. Схватив один из длинных шестов, принесенных для поддержания огня, он принялся раскидывать и разбрасывать в разные стороны горящие охапки, пока вокруг не осталось ничего, что могло

бы повредить зданию, кроме самой объятый пламенем двери. Но и её, — а она, сделанная из толстых дубовых досок, еще не успела сильно пострадать, — он вскоре потушил, забивая огонь комями земли, пока она не превратилась в безобидный дымящийся остов. Пока Филипп принимал эти решительные меры, юная дева безмолвно наблюдала за ним.

— Теперь всё в безопасности, прекрасная дева, — произнес Филипп. — Бог простит меня за то, что я подверг риску столь драгоценную жизнь. Я помышлял лишь о том, чтобы обрушить свое мщение на господина Путса.

— И какой же повод мог подать господин Путс для столь ужасного мщения? — спокойно спросила она.

— Какой повод, сударыня? Он явился в мой дом, осквернил усопшую и снял с тела моей матери бесценный медальон.

— Осквернил усопшую?! Этого не может быть... Вы, должно быть, клевете на него, молодой господин.

— Нет, нет. Это чистая правда, сударыня. И этот медальон... простите меня, но этот медальон я обязан вернуть. Вы не знаете, что от него зависит.

— Подождите, молодой господин, — ответила дева, — я скоро вернусь.

Филипп прождал несколько минут, потерявшись в мыслях и восхищении. Такое прекрасное существо — и в доме господина Путса! Кто бы она могла быть? Пока он предавался этим размышлениям, его окликнул серебряный голос той, о ком он грезил. Высунувшись из окна, она держала в руке черную ленту, к которой была подвешена столь дорогая его сердцу святыня.

— Вот ваш медальон, сударь, — сказала юная особа. — Я глубоко сожалею, что мой отец совершил поступок, который вполне мог оправдать ваш гнев. Но вот он, — продолжила она, роняя вещь на землю к ногам Филиппа, — а теперь вы можете уходить.

— Ваш отец, прекрасная дева! Неужели он действительно ваш отец? — воскликнул Филипп, позабыв поднять медальон, лежавший у его ног.

Она собиралась уже без ответа отойти от окна, но Филипп заговорил снова:

— Пойдите, сударыня, пойдите хоть мгновение, пока я не вымолю у вас прощение за свой безумный, безрассудный поступок. Клянусь этой святыней, — продолжил он, поднимая её с земли и поднося к губам, — что если бы я только знал о присутствии в этом доме хоть одного безвинного человека, я никогда не совершил бы этого. И как же я рад, что никто не пострадал! Однако опасность еще не миновала, сударыня: нужно отпереть дверь и потушить косяки, которые всё еще тлеют, иначе дом всё равно может сгореть. Не бойтесь за своего отца, дева, ибо даже если бы он причинил мне в тысячу раз больше зла, вы защитите каждый волос на его голове. Он знает меня достаточно хорошо, чтобы верить моему слову. Позвольте мне исправить причиненный вред, и тогда я уйду.

— Нет, нет, не верь ему! — раздался из глубины комнаты голос господина Путса.

— Да, ему можно верить, — ответила дочь, — к тому же его помощь сейчас крайне необходима. Что в таком положении можем сделать мы — бедная слабая девушка и еще более слабый отец? Отри дверь, пусть дом приведет в безопасность.

Затем дева обратилась к Филиппу:

— Он откроет дверь, сударь, и я буду признательна вам за добрую услугу. Я полностью полагаюсь на ваше обещание.

— Никто еще не видел, чтобы я нарушил свое слово, дева, — ответил Филипп, — но пускай он поторопится, ибо пламя разгорается вновь.

Дверь отворилась под дрожащими руками господина Путса, который после этого поспешно сбежал вверх по лестнице. Слова Филиппа оказались чистой правдой. Ему пришлось принести немало ведер воды, прежде чем огонь был окончательно укрощен. За всё время его трудов ни дочь, ни отец так и не показались.

Когда всё было в безопасности, Филипп притворил дверь и снова посмотрел на окно. Прекрасная девушка вновь появилась там, и Филипп с низким поклоном заверил её, что опасность миновала.

— Благодарю вас, сударь, — ответила она, — премного благодарю. Ваше поведение, хоть и неистовое поначалу, в конце оказало нам величайшую заботу.

— Заверьте вашего отца, дева, что всякая вражда с моей стороны прекратилась, и через несколько дней я наведаюсь, чтобы полностью покрыть тот долг, который за мной числится.

Окно закрылось. Филипп, разгоряченный, но охваченный чувствами, совершенно отличными от тех, с какими он отправлялся в путь, с минуту глядел на опустевшее окно, а затем направил свои стопы обратно к родному дому.

Филипп Vanderdecken возвращается в опустевший дом, чтобы предать тело матери земле, но впереди его ждет тайна запертой комнаты, которая должна пролить свет на страшную судьбу его отца. Желаете ли вы продолжить и получить перевод следующей части, где Филипп наконец переступает порог загадочной комнаты?

Глава 3 — III

Встреча с прекрасной дочерью господина Путса произвела глубокое впечатление на Филиппа Вандердекена, и теперь к прежним мыслям, и без того обременявшим его душу, добавилось новое волнение. Достигнув своего дома, он поднялся наверх и бросился на ту самую кровать, с которой его столь бесцеремонно поднял лекарь. Поначалу он воскрешал в памяти только что пережитую сцену: воображение рисовало ему портрет прелестной девушки, её глаза, выражение лица, серебряный голос и произнесенные ею слова. Однако этот пленительный образ вскоре был вытеснен воспоминанием о том, что в соседней комнате покоится тело его матери, а внизу, в запертой комнате, сокрыта тайна отца.

Похороны должны были состояться на следующее утро. Филипп, который после встречи с дочерью лекаря и сам заметил, что уже не так сильно жаждет немедленного осмотра комнаты, решил не открывать её до завершения этой скорбной церемонии. С этим намерением он и уснул. Истощенный телесным и душевным напряжением, он проспал до самого утра, пока священник не призвал его принять участие в погребальном обряде. Через час всё было кончено. Толпа разошлась, и Филипп, вернувшись в дом, задвинул засов, чтобы никто не мог ему помешать, радуясь своему одиночеству.

В человеческой природе заложено особое чувство, которое неизменно возникает, когда мы вновь оказываемся в стенах, где только что обитала смерть, но откуда уже убраны все её следы. Это чувство облегчения и смутного удовлетворения от того, что мы избавились от осязаемого напоминания о нашей бренности — этого безмолвного свидетельства тщетности всех наших стремлений и надежд. Мы знаем, что однажды умрем, но всегда хотим позабыть об этом. Постоянное памятование о конце было бы слишком тяжелыми оковами для наших земных желаний. И хотя нам твердят, что мы обязаны всегда размышлять о будущем мире, жизнь теряет свои радости, если человеку не даровано временное забвение. Ибо кто стал бы строить планы, которые редко суждено исполнить, если бы каждую минуту думал о кончине? Мы либо уповаем на то, что проживем дольше остальных, либо попросту забываем, что наш век может быть коротким.

Если бы это спасительное чувство не было вкоренено в нашу природу, насколько меньше обустроился бы наш мир со времен самого потопы! Филипп переступил порог комнаты, где еще час назад лежала его мать, и невольно ощутил, как с души спала тяжесть. Сняв шкафчик, он вновь принялся за работу. Задняя стенка вскоре была выломана, и перед ним открылся потайной ящик. Юноша выдвинул его и обнаружил то, что и надеялся найти, — большой ключ, подернутый легким налетом ржавчины, которая легко сходила, стоило лишь коснуться металла. Под ключом лежал листок бумаги, чернила на котором от времени поблекли. Строки были начертаны рукой его матери и гласили следующее:

«Прошло уже две ночи с тех пор, как произошло то ужасное событие, побудившее меня запереть нижнюю комнату; мой разум до сих пор цепенеет от ужаса. Если мне не суждено при жизни открыть то, что случилось, этот ключ всё равно потребуется, ибо после моей кончины комнату придется отпереть. Когда я в ужасе бежала оттуда, я поспешила наверх и провела ту ночь с моим ребенком. На следующее утро я собрала достаточно мужества, чтобы спуститься, повернуть ключ и унести его в свою спальню. Отныне комната заперта до тех пор, пока мои глаза не сомкнутся навеки. Никакие лишения, никакие страдания не заставят меня открыть её, хотя в железном шкафу под буфетом, что дальше всего от окна, лежит достаточно денег для всех моих нужд. Эти деньги останутся там для моего дитя. Если я так и не открою ему роковой тайны, пускай он утешится мыслью, что это секрет, который лучше бы никогда не ворошить, — настолько он ужасен, раз заставил меня пойти на подобные меры. Ключи от шкафов и буфетов, помнится, остались лежать на столе или в моей шкатулке для рукоделия, когда я покинула

комнату. На столе также лежит письмо — по крайней мере, мне так кажется. Оно запечатано. Пусть никто, кроме моего сына, не дерзнет сорвать эту печать; но и ему не следует делать этого, если он не знает тайны. Пусть священник предаст его огню — ибо оно проклято. И даже если сын мой узнает всё то же, что известно мне, о! пусть он остановится и крепко поразмыслит, прежде чем ломать печать, ибо для него было бы благом НЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ НИЧЕГО!»

«Не знать больше ничего!» — подумал Филипп, всё еще не отрывая взгляда от бумаги. — «Нет, я должен и я хочу знать больше! Так прости же меня, дорогая матушка, если я не стану тратить время на размышления. Это было бы лишь пустой потерей времени, когда человек твердо решил на то, на что решился я».

Филипп прижал губы к подписи матери, сложил листок, убрал его в pocket и, взяв ключ, спустился вниз по лестнице.

Было около полудня, когда Филипп спустился, дабы отпереть комнату. Солнце сияло ярко, небо оставалось чистым, и всё вокруг дышало радостью и бодростью. Поскольку входная дверь домика была заперта, в коридоре царил полумрак. Филипп вставил ключ в замок двери, которую не открывали долгие годы, и с некоторым трудом повернул его. Сказать, что он не ощутил никакого страха, когда толкал эту дверь, было бы неправдой: страх был, и сердце его учащенно забилося. Однако в нем было более чем достаточно решимости, чтобы преодолеть этот страх, равно как и любой другой, который мог возникнуть от увиденного. Он приоткрыл дверь, но не стал сразу входить в комнату, а замер на месте. Ему казалось, будто он собирается вторгнуться в обитель бесплотного духа, и этот дух вот-вот может явиться вновь. Юноша выждал минуту, так как само усилие при открытии двери перехватило его дыхание, и, придя в себя, заглянул внутрь.

Он лишь смутно мог различить находившиеся в комнате предметы. Сквозь щели в ставнях пробивались три ослепительных луча солнца, пересекавших комнату насквозь. Вид этих лучей поначалу заставил его отпрянуть, словно перед ним возникло нечто сверхъестественное, однако короткое размышление вернуло ему уверенность. Постояв так с минуту, Филипп прошел на кухню, зажег свечу и, глубоко вздохнув два или три раза, словно силясь облегчить душу, собрал всю свою решимость и направился к роковой комнате. Сперва он остановился на самом пороге и при свете свечи бегло огляделся. Всё было тихо. Стол, на котором было оставлено письмо, находился позади двери и скрывался за её створкой. «Это должно быть сделано», — подумал Филипп. — «И почему бы не прямо сейчас?» — продолжил он, вновь обретая мужество, и твердым шагом вошел в комнату, направляясь к окнам, чтобы открыть ставни. Не стоит удивляться, если руки его слегка дрожали, когда он вспомнил, каким сверхъестественным образом они распахнулись в прошлый раз. Все мы смертны и невольно содрогаемся перед лицом того, что лежит за пределами этой жизни. Едва запоры были сняты и ставни раскрылись, в комнату хлынул поток столь яркого света, что он ослепил юношу. Как ни странно, этот ослепительный дневной свет пошатнул решимость Филиппа куда сильнее, нежели прежний сумрак и темнота. Со свечой в руке он поспешно отступил обратно на кухню, чтобы снова собраться с духом, и оставался там несколько минут, закрыв лицо руками и погрузившись в глубокое раздумье.

Удивительно, но его мысли в конце концов снова обратились к прекрасной дочери господина Путса и к тому мгновению, когда она впервые показалась в окне. Ему казалось, что поток света, который только что изгнал его из комнаты, поражал и ошеломлял ничуть не больше, чем её чарующий облик. Воспоминание об этом прекрасном видении вернуло Филиппу уверенность. Он поднялся и смело переступил порог комнаты. Мы не станем описывать находившиеся там предметы в том беспорядке, в каком они предстали перед глазами Филиппа, а постараемся представить их в более ясном и последовательном виде.

Комната была квадратной, футов двенадцать или четырнадцать в поперечнике, и имела всего одно окно. Напротив двери располагались очаг и камин, по обе стороны от которых выси-

лись два темных деревянных буфета. Пол не был грязным, хотя под самым потолком пауки успели сплести свои сети во всех направлениях. В самом центре потолка висел ртутный шар — весьма распространенное украшение в те дни, — но большая часть его уже утратила свой былой блеск, а паутина окутывала его словно саван. Над каминной полкой висели две или три картины в рамах под стеклом, однако стекло покрылось пыльной плесенью, так что едва ли можно было что-то разобрать. В центре самой каминной полки высилась статуэтка Девы Марии из чистого серебра в ковчежце из того же металла, но она так сильно потемнела, что казалась бронзовой или железной; по бокам от неё стояли какие-то индийские фигурки. Стеклянные дверцы буфетов по обе стороны от камина тоже настолько помутнели, что разглядеть их содержимое было почти невозможно. Свет и тепло, хлынувшие в комнату пусть даже на столь короткое время, уже вобрали в себя сырость долгих лет, и теперь она туманом смешалась с пылью на оконных стеклах. И всё же то тут, то там угадывался блеск серебряных сосудов: стеклянные дверцы уберегли их от полного почернения, пусть даже их сияние изрядно померкло.

На стене напротив окна висели другие эстампы, в рамах, точно так же затянутых сыростью и паутиной, а также две птичьи клетки. Филипп подошел к клеткам и заглянул внутрь. Их обитатели, разумеется, давно погибли: на дне лежали лишь маленькие кучки желтых перьев, сквозь которые белели крошечные косточки скелетов, доказывая, что когда-то эти птицы были привезены с Канарских островов — в то время они ценились очень высоко. Филипп, казалось, сознательно силился осмотреть каждую мелочь, прежде чем искать то, чего он больше всего страшился и одновременно больше всего желал найти. По комнате было расставлено несколько стульев; на одном из них лежало белье. Он поднял его — это были вещи, которые, должно быть, принадлежали ему самому, когда он был еще ребенком. Наконец Филипп перевел взгляд на последнюю, еще не осмотренную стену — ту, что была напротив камина. Именно в ней была прорезана дверь, и за этой дверью, когда она распаивалась настежь, должны были скрываться стол, кушетка, шкатулка для рукоделия и РОКОВОЕ ПИСЬМО.

Когда он повернулся, его пульс, который постепенно уже восстановил свой ровный ход, забился быстрее. Но он сделал над собой усилие, и страх отступил. Сначала он осмотрел стены, на которых висели мечи и пистолеты самых разных видов, но в основном азиатские луки со стрелами и прочие орудия истребления. Затем взгляд Филиппа медленно опустился на стол и стоявшую за ним небольшую кушетку — то самое место, где, по словам матери, она сидела, когда отец нанес ей свой ужасный визит. Шкатулка для рукоделия со всеми принадлежностями стояла на столе — точно в таком виде, как мать её и оставила. Ключи, о которых она упоминала, тоже лежали там. Филипп всматривался снова и снова, но письма нигде не было. Он подошел ближе, внимательно изучил каждый уголок — ни на кушетке, ни на столе, ни на полу ничего не было видно. Он приподнял шкатулку, чтобы проверить, нет ли письма под ней, — но тщетно. Он перебрал всё её содержимое — пусто. Перевернул подушки кушетки — письма не было и там.

В этот миг Филипп почувствовал, словно тяжелая ноша свалилась с его вздымающейся груди. «Значит, всё это», — подумал он, прислонившись к стене, — «было лишь плодом разгоряченного воображения. Моя бедная матушка, должно быть, уснула и увидела этот страшный сон. Я ведь и сам считал это невозможным, по крайней мере, уповал на это. Всё было именно так: сновидение оказалось слишком сильным, слишком похожим на пугающую реальность, и это отчасти помutilо разум моей бедной матери».

Филипп поразмыслил еще немного и окончательно уверился в своей правоте.

— Да, всё так и было, бедная дорогая матушка! Как же много ты выстрадала! Но теперь ты вознаграждена и пребываешь с Богом.

Спустя несколько минут (в течение которых он снова и снова осматривал комнату, но теперь уже с большим хладнокровием и, пожалуй, даже с некоторым равнодушием, поскольку счел всю эту мистическую историю вымыслом), Филипп достал из pocket листок бумаги, най-

денный вместе с ключом, и перечитал его: «В железном шкафу под буфетом, что дальше всего от окна». — «Отлично». Он взял со стола связку ключей и вскоре подобрал один к наружным деревянным дверцам, скрывавшим железный сейф. Вторым ключом со связки он отпер железные створки, и в его распоряжении оказалась внушительная сумма денег — около десяти тысяч гульденов в небольших желтых мешочках. «Бедная моя матушка! — подумал он. — И обыкновенный сон мог принудить тебя к нищете и лишениям, когда ты владела таким богатством?» Филипп вернул мешочки на место и запер шкаф, взяв из одного, уже наполовину пустой, несколько монет для неотложных нужд. Затем его внимание привлекли верхние буфеты; открыв их одним из ключей, он обнаружил внутри ценную фарфоровую посуду, а также серебряные кувшины и кубки. Повернув ключи в замках, он бросил связку обратно на стол.

Внезапное обретение столь крупного состояния вкупе с твердой уверенностью в том, что никакого призрака не существовало, заметно взбодрило и успокоило Филиппа. Он ощутил прилив сил, граничащий с весельем. Опустившись на кушетку, он вскоре погрузился в грезы, и мысли его, как и прежде, вернулись к очаровательной дочери господина Путса. Он принялся строить воздушные замки, которые — как всегда бывает, когда мы мечтаем для себя, — неизменно завершались достатком и счастьем. В этом приятном занятии он провел более двух часов, пока мысли его вновь не обратились к покойной матери и её страшной кончине.

— Дорогая, добрая матушка! — вслух воскликнул Филипп, поднимаясь со своего места. — Здесь ты сидела, утомленная бдением над колыбелью своего младенца, думая о моем отсутствующем отце и грозивших ему опасностях. Ты так измучила свой разум предчувствием беды, что твой лихорадочный сон породил это видение. Да, всё было именно так! Ведь посмотри: вот здесь, на полу, лежит вышивка, выпавшая из твоих ослабевших рук, и вместе с этой работой закончилось твое счастье в земной жизни. Дорогая, милая матушка! — продолжал он, и слеза скатилась по его щеке, когда он наклонился, чтобы поднять кусок муслина. — Как много ты выстрадала, когда... Боже Милосердный! — вскричал Филипп, поднимая вышивку. Он с силой отпрянул назад, опрокинув стол. — Боже Праведный и Судия, здесь... здесь... — Филипп сжал руки и в ужасе и скорби опустил голову, изменившимся, испуганным голосом пробормотав: — ПИСЬМО!

Это было слишком похожем на правду: прямо под вышивкой на полу лежало роковое письмо Вандердеkena. Если бы Филипп заметил его на столе, когда впервые вошел в комнату и был внутренне готов к находке, он поднял бы его с известной долей самообладания. Но обнаружить его теперь, когда он уже убедил себя, что всё это — лишь плод материнского воображения; когда он поверил в отсутствие всяких мистических сил и предавался мечтам о будущем счастье и покое, — это был удар, пригвоздивший его к месту. Какое-то время он так и стоял, застыв в безмолвном изумлении и ужасе. В один миг рухнули воздушные замки счастья, которые он возводил последние два часа, и по мере того как испуг постепенно отступал, его сердце наполнялось мрачными предчувствиями. Наконец он бросился вперед, схватил письмо и пулей выскочил из проклятой комнаты.

— Я не могу, не посмею читать его здесь! — вскричал он. — Нет, нет, это послание должно быть принято лишь под открытым сводом разгневанного Неба!

Филипп схватил шляпу и выбежал из дома. В тихом отчаянии он запер за собой дверь, вытащил ключ и пошел прочь, сам не ведая куда.

Филипп Вандердекен покидает дом с нераспечатанным письмом отца, не в силах прочесть его в четырех стенах, где обитает ужас прошлого.

В следующей главе Филипп уходит далеко от людских глаз, на пустынные прибрежные дюны, где над бушующим морем ему суждено наконец сорвать печать и узнать страшную правду о клятве своего отца и проклятии «Летучего Голландца».

Глава 4 — IV

Если читатель может представить себе чувства человека, который, будучи приговорен к смерти и уже смирившись со своей участью, внезапно получает известие о помиловании; который, успокоив свой разум после бури чувств, вызванной возрождением тех надежд и ожиданий, от которых он уже отказался, вновь предается размышлениям о будущих перспективах и тешит себя приятными предчувствиями, — мы говорим, что если читатель способен вообразить это, а затем и то, что ощутил бы этот человек, узнав, что помилование отменено и ему всё же надлежит погибнуть, то он сможет составить некоторое представление о состоянии духа Филиппа, когда тот покинул домик.

Долго шел он, не разбирая дороги, со сжатым в кулаке письмом и крепко стиснув зубы. Мало-помалу он успокоился и, запыхавшись от быстрой ходьбы, присел на косогор. Там он оставался долгое время, не отрывая взгляда от пугающей бумаги, которую держал обеими руками на коленях.

Механически он перевернул письмо: печать была черной. Филипп вздохнул. «Я не могу прочесть его сейчас», — подумал он, после чего поднялся и продолжил свой бесцельный путь.

Еще с полчаса Филипп находился в движении; солнце уже едва возвышалось над горизонтом. Филипп остановился и смотрел на него до тех пор, пока глаза его не заболели. «Я мог бы вообразить, что это око Божье, — подумал Филипп, — и, возможно, так оно и есть. Почему же тогда, милосердный Творец, именно я избран из стольких миллионов для исполнения столь ужасной задачи?»

Филипп огляделся в поисках какого-нибудь места, где он мог бы укрыться от чужих глаз — где он мог бы сорвать печать и прочесть это послание из мира духов. Неподалеку от того места, где он стоял, виднелся небольшой перелесок, росший впереди рощи. Он направился туда и сел так, чтобы его не могли заметить случайные прохожие. Филипп еще раз взглянул на заходящее светило, и постепенно к нему вернулось самообладание.

— На то твоя воля! — воскликнул он. — Это мой рок, и то и другое должно свершиться.

Филипп поднес руку к печати, — кровь застыла в его жилах, когда он вспомнил, что это письмо было передано не смертной рукой и что в нем сокрыта тайна того, кто уже предстал перед судом. Он вспомнил, что этот человек — его отец; и что только в этом письме таилась надежда, — надежда для его бедного отца, чью память его учили любить и кто взывал о помощи.

— Какой же я трус, что потерял столько часов! — воскликнул Филипп. — Кажется, само солнце медлит на холме, чтобы дать мне свет для чтения.

Филипп размышлял недолго; в этот миг он снова стал прежним отважным Вандердекенom. Он спокойно сорвал печать, на которой были вытиснены инициалы его отца, и прочел следующее:

«КАТЕРИНЕ.

Один из тех сострадательных духов, чьи очи проливают слезы над грехами смертных, получил дозволение поведать мне, каким единственным способом может быть отвращен мой ужасный приговор...»

«Если бы только я мог принять на палубе моего собственного корабля ту святую реликвию, на которой принес свою роковую клятву, смиренно облобызать её и пролить хотя бы одну слезу искреннего раскаяния на это священное древо, тогда я смог бы покоиться с миром.

Как это можно исполнить и кто возьмется за столь пагубное дело — я не ведаю. О Катерина, у нас есть сын... но нет, нет, пусть он ничего не знает обо мне. Молись за меня, и ныне — прощай.

И. ВАНДЕРДЕКЕН».

«Значит, это правда, самая ужасная правда, — подумал Филипп. — И мой отец прямо сейчас НАХОДИТСЯ ПОД ЖИВЫМ СУДОМ. И он указывает на меня — на кого же еще? Разве я не его сын, и разве это не мой долг?»

Да, отец! — вслух воскликнул Филипп, падая на колени. — Ты написал эти строки не напрасно. Позволь мне перечитать их еще раз».

Филипп поднес руку к глазам, но, хотя ему казалось, что он всё еще держит бумагу, руки его были пусты — он сжимал лишь воздух. Он посмотрел на траву, думая, что письмо упало, но нет — письма нигде не было, оно исчезло. Было ли это видением? Нет, нет, он прочел каждое слово. «Значит, это послание предназначалось мне, и только мне. Я принимаю это знамение.

Услышь меня, дорогой отец, если тебе это дозволено, и снизойди к моим мольбам, милосердное Небо, — услышь сына, который перед этой священной реликвией клянется отворотить твой рок или погибнуть! Этому делу он посвятит свои дни и, исполнив долг, умрет в надежде и мире. Небо, запечатлевшее опрометчивую клятву моего отца, зафиксируй ныне и клятву его сына на том же священном кресте, и пусть мое отступничество покарается карой более лютый, чем его! Прими её, Небо, как в конце концов, уповаю, в милости своей ты примешь отца и сына! И если я слишком дерзок, о, прости мне мою гордыню».

Филипп бросился ниц, прижавшись губами к священному символу. Солнце зашло, и сумерки мало-помалу растаяли; ночь уже какое-то время окутывала всё тьмой, а Филипп всё еще пребывал в молитве и раздумьях.

Однако его покой был нарушен голосами мужчин, которые присели на траву всего в нескольких ярдах от его укрытия. Поначалу он мало вникал в их разговор, но это пробудило его, и первым порывом было вернуться в хижину, чтобы спокойно обдумать свои планы. Но хотя мужчины говорили вполголоса, внимание его вскоре было приковано к теме их беседы, едва он услышал имя господина Путса. Он стал внимательно прислушиваться и понял, что это были четверо уволенных со службы солдат, которые намеревались этой же ночью напасть на дом маленького лекаря, зная, что у того водится немало денег.

— То, что я предложил, — лучше всего, — произнес один из них. — С ним нет никого, кроме дочери.

— Я ценю её повыше его денег, — ответил другой. — Так что учтите: прежде чем мы пойдем, должно быть четко уговорено, что она станет моей собственностью.

— Что ж, если ты хочешь выкупить её, никто не против, — отозвался третий.

— По рукам. И сколько же вы по совести запросите за эту плаксивую девчонку?

— Я говорю — пятьсот гульденов, — вставил еще один.

— Ладно, пусть будет так, но с одним условием: если моя доля в добыче не составит этой суммы, я забираю её вместо своей доли, какой бы она ни оказалась.

— Это вполне честно, — ответил другой. — Но я сильно ошибусь, если мы не вытряхнем из сундука старика больше двух тысяч гульденов.

— А вы двое что скажете? Согласны? Пусть Батенс забирает её?

— О да, — ответили остальные.

— Ну что ж, — произнес тот, кто выговаривал для себя дочь господина Путса, — теперь я с вами душой и телом. Я любил эту девчонку и пытался заполучить её — я ведь всерьез предлагал жениться на ней, но этот старый скряга отказал мне, прапорщику, офицеру! Но теперь я отомщу. Мы не должны щадить его.

— Нет, нет, — поддакнули остальные.

— Выдвигаемся сейчас или подождем, пока станет позже? Через час или около того взойдет луна — нас могут заметить.

— Да кто нас увидит? Разве что за ним самим кто-нибудь пошлет. Я говорю: чем позже, тем лучше.

— Сколько нам туда добираться? И получаса не займет, если идти пешком. Давайте двинем отсюда через полчаса, как раз при луне будем считать гульденy.

— И то верно. А пока я вставлю новый кремень в замок и заряджу карабин. Я могу работать и в темноте.

— Тебе не привыкать, Ян.

— Это точно. И я хочу, чтобы эта пуля прошла прямо сквозь голову старого мошенника.

— Ну, уж лучше ты убей его, чем я, — заметил один из подельников. — Ведь он спас мне жизнь в Мидделбурге, когда все уже были уверены, что я помру.

Узнав о готовящемся жестоком нападении на дом доктора Путса и его прекрасную дочь Амелию, Филипп оказывается перед лицом новой опасности. Он понимает, что промедление грозит гибелью людям, которые стали ему безразличны.

Филипп не стал слушать дальше; он пополз за кустами, пока не добрался до рощи, и, пройдя сквозь деревья, двинулся в обход, чтобы эти негодяи его не заметили. Он прекрасно знал, что это были уволенные со службы солдаты, которые во множестве наводнили тогда страну. Все его мысли теперь были заняты тем, как спасти старого лекаря и его дочь от грозившей им опасности; на время он позабыл и об отце, и об волнующих откровениях этого дня. Хотя Филипп, покидая хижину, шел не разбирая дороги, он отлично знал эти места. И теперь, когда пришло время действовать, он сразу сориентировался, в какой стороне находится одинокий дом господина Путса, и со всей скоростью устремился туда. Менее чем за двадцать минут он, запыхавшись, добежал до места.

Как обычно, вокруг царила тишина, а дверь была заперта. Филипп постучал, но ответа не последовало. Он стучал снова и снова, начиная терять терпение. Должно быть, господина Путса куда-то вызвали, и его не было дома; тогда Филипп закричал, надеясь, что его услышат внутри:

— Девушка! Если вашего отца нет, как я и предполагаю, послушайте то, что я скажу. Я — Филипп Вандердекен. Только что я подслушал четверых подлецов, которые задумали убить вашего отца и забрать его золото. Через час или меньше они будут здесь, и я поспешил сюда, дабы предупредить и, если позволите, защитить вас. Клянусь реликвией, которую вы передали мне сегодня утром, что всё сказанное мною — правда!

Филипп немного подождал, но ответа не получил.

— Девушка, — возобновил он, — ответьте мне, если вам дорого то, что для вас самой куда ценнее, чем золото вашего отца для него. Откройте верхнее окно и послушайте меня. В этом нет никакого риска; и даже если бы не было темно, я ведь уже видел вас прежде.

Вскоре после этого второго воззвания засов на верхнем окне отодвинулся, и Филипп смог различить в темноте хрупкий силуэт прекрасной дочери господина Путса.

— Чего вам угодно, молодой сударь, в столь неурочный час? И что это за весть, которую вы принесли? Я лишь смутно расслышала ваши слова, когда вы только что говорили у двери.

Филипп подробно пересказал всё, что ему довелось подслушать, и в заключение взмолился впустить его, чтобы он мог встать на её защиту.

— Подумайте, прекрасная дева, о том, что я вам поведал. Вас уже продали одному из этих отверженных, чье имя, как мне послышалось, Батенс. Знаю, золото вам безразлично, но подумайте о себе самой! Позвольте мне войти в дом и ни на миг не допускайте мысли, будто мой рассказ — выдумка. Клянусь вам душой моей бедной дорогой матери, которая, верю, упокоилась ныне на небесах, что каждое мое слово — правда.

— Вы сказали — Батенс, сударь?

— Если я не ослышался, имя было именно таким. Он говорил, что когда-то любил вас.

— Это имя мне знакомо... Я не знаю, как поступить и что сказать. Моего отца вызвали на роды, и он может отсутствовать еще много часов. И все же, как я могу открыть вам дверь

ночью? Его нет дома, я совсем одна... Я не должна, не могу... И в то же время я верю вам. Вы ведь не могли поступить так подло и выдумать эту историю.

— Нет, клянусь моими надеждами на грядущее блаженство, я не мог бы так поступить, девушка! Вы не должны шутить со своей жизнью и честью, впустите же меня.

— Но даже если я впущу вас, что вы сможете сделать против такого множества? Их четверо против одного — они быстро одолеют вас, и оборвется еще одна жизнь.

— Только не в том случае, если у вас есть оружие. А я не думаю, что ваш отец оставил бы дом без него. Я не боюсь их, вы ведь знаете, что я человек решительный.

— Да, я знаю это... И теперь вы готовы рискнуть жизнью ради тех, на кого сами же нападали? Я благодарю вас, искренне благодарю, сударь, но не смею открыть дверь.

— Что ж, девушка, если вы не впустите меня, я останусь прямо здесь. Без оружия, едва ли способный совладать с четырьмя вооруженными негодяями, но я останусь тут и докажу свою верность той, кого готов защищать вопреки любым обстоятельствам, — да, прямо у этого порога!

— Тогда я стану вашей убийцей! Но этому не бывать. О сударь, поклянитесь, поклянитесь всем, что есть святого и чистого, что вы не обманываете меня!

— Клянусь вами самими, девушка, а для меня нет ничего более священного!

Окно закрылось, и вскоре наверху показался огонек. Еще через минуту-другую прекрасная дочь господина Путса отперла Филиппу дверь. Она стояла с со свечой в правой руке; краска на её щеках то вспыхивала румянцем, то сменялась смертельной бледностью. Её левая рука была опущена, и в ней она держала наполовину скрытый пистолет. Филипп заметил эту предосторожность с её стороны, но не подал виду: он хотел успокоить её.

— Девушка! — произнес он, не спеша переступать порог. — Если у вас всё еще есть сомнения, если вы думаете, что поступили опрометчиво, впустив меня, у вас еще есть время закрыть передо мной дверь. Но ради вашего же блага заклинаю: не делайте этого. Прежде чем взойдет луна, грабители будут здесь. Я защищу вас ценой собственной жизни, если вы только доверитесь мне. Да и кто вообще способен причинить вред такой, как вы?

В этот миг, застыв в нерешительности и смятении из-за двусмысленности своего положения, но ничуть не растеряв мужества, которое требовалось проявить, она являла собой зрелище, поистине достойное восхищения и долгих взоров. Черты её лица, очерченные резкой игрой света и тени от свечи, которую временами почти задувал ветер, соразмерность её фигуры, а также изящество и необычность её наряда искренне изумили Филиппа. Её голова не была покрыта, и длинные волосы ниспадали косами за плечи. Ростом она была чуть ниже среднего, но сложена безупречно. Одета она была просто, но со вкусом, и совсем не так, как обычно одевались молодые женщины в этих краях. Не только черты лица, но и само платье сразу подсказали бы путешественнику, что в её жилах течет арабская кровь — что и было правдой.

Она пристально посмотрела Филиппу в лицо, словно пытаясь проникнуть в его самые сокровенные мысли, но открытость его манер и искреннее, мужественное выражение лица успокоили её. После минутного колебания она ответила:

— Войдите, сударь. Я чувствую, что могу вам доверять.

Филипп вошел. После этого дверь была закрыта и надежно заперта.

— Нам нельзя терять ни минуты, девушка, — произнес Филипп. — Но скажите мне ваше имя, дабы я мог обращаться к вам как подобает.

— Меня зовут Аминэ, — ответила она, слегка отступая назад.

— Благодарю за это скромное доверие. Но медлить мне нельзя. Какое оружие есть в доме и есть ли порох с пулями?

— И то и другое. О, как бы мне хотелось, чтобы отец вернулся домой!

— И я, — отозвался Филипп, — от всего сердца желаю, чтобы он вернулся до прихода этих убийц. Но только, уповаю, не в самый разгар нападения: ведь у них есть карабин, заря-

женный специально для его головы. И если они захватят его в плен, то не пощадят его жизни, разве что в качестве выкупа им отдадут его золото и вас. Но оружие, девушка, где оно?

— Ступайте за мной, — ответила Амине, ведя Филиппа в одну из внутренних комнат на верхнем этаже. Это было святая святых её отца; вдоль стен здесь тянулись полки, уставленные флаконами и коробками с лекарствами. В одном углу стоял железный сундук, а над каминной полкой висела пара карабинов и три пистолета.

— Все они заряжены, — заметила Амине, указывая на них и выкладывая на стол тот пистолет, что держала в руке сама.

Филипп снял оружие и проверил порох на полках. Затем он взял со стола пистолет, который положила Амине, и откинул пороховую полку. Он был подготовлен столь же безупречно. Филипп закрыл полку и с улыбкой заметил...

— Значит, это предназначалось мне, Амине?

— Нет, не вам, а предателю, если бы таковой проник в дом.

— Теперь, девушка, — заметил Филипп, — я займу место у того окна, которое вы открывали, но в комнате нужно погасить свет. Вы можете остаться здесь и запереть дверь на ключ ради вашей безопасности.

— Вы совсем меня не знаете, — ответила Амине. — По крайней мере, в этом отношении я не труслива. Я должна оставаться рядом с вами и перезаряжать оружие — в этом деле я хорошо наловчилась.

— Нет, нет, — возразил Филипп, — вас могут ранить.

— Могут. Но неужели вы думаете, что я стану празднично сидеть здесь, пока вы рискуете своей жизнью ради меня? Я знаю свой долг, сударь, и исполню его.

— Вы не должны рисковать собой, Амине, — настаивал Филипп. — Моя рука дрогнет, если я буду знать, что вы в опасности. Но мне пора перенести оружие в другую комнату, время пришло.

С помощью Амине Филипп перенес карабины и пистолеты в соседнюю комнату; после чего Амине оставила Филиппа, унеся с собой свечу. Как только он остался один, Филипп открыл окно и выглянул наружу — никого не было видно. Он прислушался, но кругом царило безмолвие. Луна как раз поднималась над далеким холмом, но её свет приглушали перистые облака. Филипп наблюдал несколько минут, пока наконец не услышал внизу шепот. Выглянув, он сумел различить в темноте четверых ожидавшихся налетчиков, стоявших у самой двери. Он тихо отошел от окна и вернулся в соседнюю комнату к Амине, которую застал за спешным приготовлением зарядов.

— Амине, они у двери, советуются. Вы можете взглянуть на них без особого риска. Я даже благодарен им, ведь теперь вы убедитесь, что я сказал правду.

Амине, ничего не ответив, прошла в переднюю комнату и посмотрела в окно. Она вернулась и, коснувшись руки Филиппа, произнесла:

— Простите меня за мои сомнения. Теперь я боюсь лишь одного: как бы мой отец не вернулся слишком рано и они не схватили его.

Филипп снова покинул комнату, чтобы продолжить наблюдение. Грабители, похоже, еще не решили, как действовать — прочность двери сводила на нет их усилия, и они попытались прибегнуть к хитрости. Они постучали, а не получив ответа, принялись стучать всё громче и громче. Не добившись успеха, они снова начали совещаться, после чего дуло карабина приставили к замочной скважине и выстрелили. Замок двери разнесло в щепки, но железные засовы, перекрывавшие её изнутри сверху и снизу, по-прежнему надежно удерживали её.

Хотя Филипп имел полное право выстрелить в грабителей еще тогда, когда впервые увидел их совещавшимися у порога, благородное сердце удерживает человека от лишения жизни без крайней необходимости. Это чувство заставило его повременить с выстрелом до тех пор, пока враждебные действия не начались открыто. Теперь же он навел один из карабинов

на голову грабителя, стоявшего ближе всех к двери и деловито осматривавшего последствия выстрела в замок. Прицел был точен, и мужчина рухнул замертво, в то время как остальные в испуге отпрянули от столь неожиданного отпора. Однако через секунду-другую в Филиппа, который всё еще продолжал высовываться из окна, выстрелили из пистолета, к счастью — мимо. И в тот же миг он почувствовал, как кто-то оттащил его назад, укрывая от их огня. Это была Аминэ, которая незаметно для Филиппа стояла рядом с ним.

— Вы не должны так подставляться, Филипп, — тихо проговорила она.

«Она назвала меня Филиппом», — подумал он, но ничего не ответил.

— Теперь они будут подкарауливать вас у этого окна, — продолжала Аминэ. — Возьмите другой карабин и спуститесь вниз, в проход. Раз замок сорван, они могут просунуть внутрь руки и попытаться снять засовы. Не думаю, что у них выйдет, но полной уверенности нет. В любом случае, сейчас вам лучше быть там: с той стороны они вас точно не ждут.

— Вы правы, — согласился Филипп, начиная спускаться.

— Но стреляйте там только один раз. Если упадет еще один, нам останется сладить всего с двоими, а они не смогут одновременно и следить за окном, и силой прорываться внутрь. Ступайте, я перезаряжу карабин.

Филипп осторожно и без света спустился по ступеням. Подойдя к двери, он заметил, что один из негодяев, просунув руки в дыру на месте выбитого замка, пытается дотянуться до верхнего железного засова. Филипп вскинул карабин и уже собирался всадить весь заряд в тело бандита, прямо под его поднятую руку, как вдруг снаружи раздался грохот выстрелов.

«Аминэ подставилась! — обожгла Филиппа мысль. — Её могли ранить!»

Жажда возмездия заставила его первым делом прошить пулей стоявшего за дверью налётчика, после чего он сломя голову взлетел по лестнице, чтобы узнать, что с девушкой. У окна её не было. Он ворвался во внутреннюю комнату и застал Аминэ за самым невозмутимым занятием — она спокойно набивала порохом карабин.

— Боже мой! Как же вы меня напугали, Аминэ. По их пальбе я решил, что вы показались в окне.

— Вовсе нет. Я просто подумала, что когда вы выстрелите через дверь, они могут выстрелить в ответ и задеть вас. Поэтому я встала у края оконной рамы и высунула на палке кое-что из отцовской одежды. Те, кто караулил вас, тут же открыли огонь.

— Невероятно, Аминэ! Кто мог ожидать такого мужества и такого хладнокровия от столь юной и прекрасной девушки? — с изумлением воскликнул Филипп.

— А разве отважными бывают только дурнушки? — с улыбкой парировала Аминэ.

— Я не это имел в виду, Аминэ... Но я теряю время! Мне нужно обратно к двери. Дайте мне тот карабин, а этот перезарядите.

Филипп тихо скользнул вниз, чтобы разведать обстановку, но еще до того, как добрался до двери, услышал вдали до боли знакомый голос господина Путса. Аминэ, которая тоже его слышала, в то же мгновение оказалась рядом с Филиппом, держа по заряженному пистолету в каждой руке.

— Не бойся, Аминэ, — бросил Филипп, отодвигая засовы. — Их осталось всего двое, твой отец будет спасен!

Дверь распахнулась, и Филипп, вскинув карабин, выскочил наружу. На земле он увидел господина Путса, зажатого между двумя бандитами. Один из них уже занес нож, чтобы вонзить его в старика, когда пуля из карабина с визгом пробила нападавшему голову. Последний из грабителей схватился с Филиппом вплотную, и завязалась отчаянная рукопашная схватка. Впрочем, исход её решился быстро: Аминэ решительно шагнула вперед и в упор разрядила один из пистолетов в тело разбойника.

Здесь нам необходимо пояснить читателю, что господин Путс, возвращаясь домой, услышал звуки пальбы со стороны своего жилища. Мысли о дочери и о деньгах — а надо отдать

ему должное, дочь он всё-таки любил сильнее всего, — придали ему крылья. Он позабыл, что он лишь немощный, безоружный старик; всё, о чем он мог думать, — это как скорее добраться до своего гнезда. Он бежал сломя голову, вне себя от ужаса, громко крича, и со всего маху влетел прямо в руки двоих бандитов, которые тут же схватили бы и прикончили его, не явись Филипп так вовремя на помощь.

Как только последний грабитель рухнул на землю, Филипп высвободился и поспешил к господину Путсу. Он подхватил его на руки и внес в дом, точно младенца. Старик всё еще бредил от пережитого страха и нервного потрясения. Лишь через несколько минут разум вернулся к нему.

— Моя дочь! — вскричал он. — Моя дочь! Где она?

— Я здесь, отец, и я в безопасности, — ответила Аминэ.

— Ах, дитя мое спасено... — проговорил он, открывая глаза и дико озираясь вокруг. — Да, это так... А мои деньги? Мои деньги?! Где мои деньги? — всполошился он, пытаясь вскочить.

— В полной сохранности, отец.

— В полной сохранности? Ты говоришь — в полной сохранности? Ты уверена? Дай мне взглянуть!

— Вот они, отец, как видишь, целы и невредимы. И всё благодаря человеку, с которым ты обходился не лучшим образом.

— Кто... Что ты имеешь в виду? Ах, да, теперь я вижу его... Это Филипп Вандердекен. Он должен мне три с половиной гульдена, и еще тот флакон... Это он спас тебя? И мои деньги, дитя?

— Да, отец, спас, рискуя собственной жизнью.

— Что ж, ладно, ладно... Я прощаю ему весь долг. Да, целиком! Но... флакон ему ни к чему, он должен его вернуть. Дайте мне воды.

Прошло немало времени, прежде чем к старику окончательно вернулся рассудок. Филипп оставил его на попечение дочери и, взяв пару заряженных пистолетов, вышел во двор, чтобы удостовериться в участи четверых нападавших.

Луна, выбравшись из-за скрывавших ее гряды облаков, теперь стояла высоко в небе, сияя ярко, и он мог отчетливо всё разглядеть. Двое мужчин, лежавших на пороге дома, были мертвы. Остальные — те, что схватили господина Путса, — были еще живы, но один уже испускал дух, а из другого быстро вытекала кровь. Филипп задал последнему несколько вопросов, но тот либо не желал, либо не мог ничего ответить; тогда юноша забрал их оружие и вернулся в дом, где застал старика под присмотром дочери уже в относительном спокойствии.

— Я благодарю тебя, Филипп Вандердекен, премного благодарю. Ты спас мое дорогое дитя и мои деньги... хотя их мало, совсем мало, ведь я беден. Дай тебе Бог жить долго и счастливо!

Филипп задумался; письмо и клятва впервые с того момента, как он наткнулся на разбойников, воскресли в его памяти, и тень пробежала по его лицу.

— Долго и счастливо... нет, нет, — пробормотал он, невольно покачав головой.

— И я должна поблагодарить вас, — сказала Аминэ, пытливо вглядываясь в лицо Филиппа. — О, как же сильно я должна благодарить вас! И поверьте, я искренне благодарна.

— Да, да, она очень благодарна, — перебил ее старик, — но мы бедны, очень бедны. Я заговорил о своих деньгах лишь потому, что у меня их так мало, и я не могу позволить себе потерять их. Но ты можешь не отдавать мне те три с половиной гульдена, я согласен простить этот долг, господин Филипп.

— С чего бы вам терять даже это, господин Путс? Я обещал заплатить вам и сдержу слово. У меня полно денег — тысячи гульденов, и я ума не приложу, что с ними делать.

— У тебя?! У тебя — тысячи гульденов?! — воскликнул Путс. — Пф, чепуха, быть такого не может.

— Я повторяю вам, Аминне, — повернулся Филипп к девушке, — что у меня есть тысячи гульденов. Вы ведь знаете, я не стал бы вам лгать.

— Я поверила вам, еще когда вы сказали это моему отцу, — ответила Аминне.

— Ну, в таком случае, раз уж у тебя так много, а я столь отчаянно беден, господин Вандердекен...

Однако Аминне прижала ладонь к губам отца, и фраза осталась незаконченной.

— Отец, — промолвила Аминне, — нам пора отдыхать. Тебе придется оставить нас на эту ночь, Филипп.

— Я не уйду, — ответил Филипп, — и, можете не сомневаться, спать я тоже не стану. Вы оба можете ложиться в полной безопасности. Вам и вправду пора отдыхать. Доброй ночи, господин Путс. Мне нужна лишь лампа, и я спущусь вниз. Аминне, доброй ночи.

— Доброй ночи, — отозвалась Аминне, протягивая ему руку, — и огромное, огромное вам спасибо.

— Тысячи гульденов! — бормотал старик, пока Филипп выходил из комнаты, направляясь на нижний этаж.

Филипп Вандердекен проводит остаток ночи на страже в разгромленной прихожей, размышляя о внезапном богатстве, оставленном матерью, и о страшной тайне своего отца — капитана «Летучего голландца». Тем временем в его сердце зарождается глубокое чувство к отважной Аминне.

Глава 5 — V

Филипп Вандердекен сел на пороге дома; он откинул волосы со лба, подставляя его дуновению прохладного ветерка. Непрерывное напряжение последних трех дней отозвалось лихорадочным жаром в его голове, лишая покоя и путая мысли. Он жаждал отдыха, но знал, что для него отдыха нет. Им владели предчувствия — в туманной дали грядущего он прозревал бесконечную череду опасностей, бедствий и даже саму смерть, и все же созерцал это без трепета и страха. Ему казалось, будто его настоящая жизнь началась всего три дня назад; он пребывал в меланхолии, но не был несчастен. Мысли его постоянно возвращались к роковому письму: его странное, сверхъестественное исчезновение, казалось, ясно доказывало его мистическое происхождение и то, что эта миссия предназначалась ему одному; а хранившаяся у него священная реликвия окончательно подтверждала этот факт.

«Это мой рок, мой долг», — думал Филипп.

Утвердившись в этих выводах, он вновь обратился мыслями к красоте, отваге и присутствию духа, которые проявила Аминь. «И неужели, — думал он, глядя на луну, плывущую высоко в небесах, — судьбе этого прекрасного создания суждено переплестись с моей? События последних трех дней почти дают право на такое предположение. Одному Небу ведомо, и да пребудет воля Его. Я дал клятву, и она запечатлена — посвятить свою жизнь освобождению несчастного отца. Но разве это мешает мне любить Аминь? Нет, конечно. Моряк в индийских морях вынужден проводить долгие месяцы на берегу, прежде чем вернется к своей службе. Мои поиски пройдут на просторах бескрайнего океана, но как часто смогу я возвращаться? И почему я должен лишать себя утешения у приветливого домашнего очага? И все же... вправе ли я завоевывать любовь той, которая, если уж полюбит — а я убежден в этом, — будет любить столь нежно, преданно и глубоко? Стоит ли мне связывать ее узами с человеком, чья жизнь будет столь зыбкой? Но разве жизнь любого моряка не зыбка, когда он бросает вызов яростным волнам, отделенный от смерти лишь дюймом доски? К тому же, я избран для исполнения великого труда, а раз так — что может повредить мне, пока в предначертанный Небом час дело не совершится? Но как скоро наступит этот час и чем все закончится? Смертью! Как бы мне хотелось, чтобы моя кровь остыла, и я мог рассуждать здраво».

Таковы были думы Филиппа Вандердекена, и он еще долго взвешивал в уме эти шансы. Наконец занялась заря. Заметив алый отсвет на горизонте, он ослабил бдительность и задремал прямо там, где сидел. От легкого прикосновения к плечу он вздрогнул и выхватил из-за пазухи пистолет. Обернувшись, он увидел Аминь.

— Значит, этот пистолет предназначался мне? — проговорила Аминь с улыбкой, повторяя слова Филиппа, сказанные накануне вечером.

— Вам, Аминь?.. Да, чтобы защитить вас еще раз, если бы возникла нужда.

— Я знаю, что это так. Как же это благородно с вашей стороны — караулить всю эту утомительную ночь после стольких усилий и изнурения! Но теперь уже совсем рассвело.

— Пока я не увидел зарю, Аминь, я преданно нес стражу.

— А теперь ступайте и отдохните. Отец уже встал — вы можете лечь на его постель.

— Благодарю вас, но у меня нет ни малейшего желания спать. Нужно еще многое сделать. Мы должны отправиться к бургомистру и обо всем доложить, а эти тела должны оставаться на своих местах, пока не выяснятся все обстоятельства. Ваш отец пойдет, Аминь, или мне пойти самому?

— Моему отцу, конечно, это приличествует больше, как хозяину дома. Вы должны остаться. И раз уж вы не желаете спать, вам необходимо подкрепиться. Я пойду и скажу отцу; он уже закончил свой утренний завтрак.

Амине ушла и вскоре вернулась вместе с отцом, который согласился пойти к бургомистру. Выходя, старик приветливо поздоровался с Филиппом, содрогнулся, проходя стороной, чтобы не наступить на мертвые тела, и быстрым шагом направился в соседний городок, где проживал бургомистр.

Амине попросила Филиппа следовать за ней, и они вошли в комнату ее отца, где, к своему удивлению, юноша обнаружил готовый кофе. В те времена это была редкость, и Филипп никак не ожидал найти его в доме прижимистого господина Путса. Однако это была роскошь, от которой старик, помня свою прежнюю жизнь, просто не мог отказаться.

Филипп, который не пробовал маковой росинки почти двадцать четыре часа, с удовольствием принял за предложенное угощение. Амине села напротив него и хранила молчание, пока он ел.

— Амине, — заговорил наконец Филипп, — у меня было достаточно времени для размышлений этой ночью, пока я стерег дверь. Могу ли я говорить откровенно?

— Отчего же нет? — ответила Амине. — Я уверена, что вы не скажете ничего такого, чего говорить не следовало бы или что могло бы оскорбить слух девушки.

— Вы справедливы ко мне, Амине. Мои мысли были заняты вами и вашим отцом. Вы не можете оставаться в этом уединенном жилище.

— Я и сама чувствую, что оно слишком уединенное — то есть ради его безопасности, а возможно, и моей. Но вы же знаете моего отца: само это одиночество ему на руку, плата за аренду ничтожна, а он весьма бережет свои деньги.

— Человек, который бережет свои деньги, должен поместить их в безопасное место, здесь же они в опасности. Теперь выслушайте меня, Амине. У меня есть дом, окруженный, как вы, возможно, слышали, многими другими домами, которые взаимно защищают друг друга. Этот дом я собираюсь покинуть — быть может, навсегда, ибо намереваюсь отплыть с первым же кораблем в индийские моря.

— В индийские моря! Зачем же? Разве не вы вчера вечером толковали о тысячах гульденов?

— Да, говорил, и они у меня есть. Но, Амине, я должен плыть — это мой долг. Не спрашивайте меня больше ни о чем, но выслушайте то, что я предлагаю. Ваш отец должен поселиться в моем доме; он должен присматривать за ним в мое отсутствие. Согласившись, он окажет мне огромную услугу, и вы должны его уговорить. Там вы будете в безопасности. Кроме того, он должен присмотреть и за моими деньгами. Сейчас они мне не нужны — я не могу взять их с собой.

— Моему отцу нельзя верить чужие деньги.

— Для чего ваш отец копит богатства? Он не сможет забрать свои деньги с собой, когда пробьет его час. Все это достанется вам — так разве мои деньги не будут в безопасности?

— В таком случае оставьте их на мое попечение, и они будут целы. Но зачем вам плыть и рисковать своей жизнью на воде, когда у вас есть столь щедрые средства?

— Амине, не задавайте этого вопроса. Это мой сыновний долг, и большего я сказать не могу — по крайней мере, сейчас.

— Если это ваш долг, я больше не спрашиваю. Это не было женским любопытством — нет, нет, уверяю вас, мною двигало куда более достойное чувство, когда я решила задать этот вопрос.

— И что же это за чувство, Амине?

— Я и сама толком не знаю... Должно быть, сразу несколько добрых чувств смешались воедино: благодарность, уважение, почтение, доверие, признательность. Разве этого мало?

— О, этого более чем достаточно, Амине, и это слишком большая награда за столь короткое знакомство. Но все же я чувствую к вам то же самое и даже больше. Если вы и впрямь так

добры ко мне, сделайте одолжение: убедите своего отца покинуть этот одинокий дом сегодня же и перебраться в мой.

— А куда же намерены отправиться вы сами?

— Если ваш отец не согласится принять меня в качестве постояльца на то недолгое время, что мне осталось здесь пробыть, я поищу приют в другом месте. Но если он согласится, я щедро вознагражу его — то есть, если вы сами не станете возражать против того, чтобы я провел несколько дней в этом доме?

— С чего бы мне возражать? Наше жилье более небезопасно, а вы предлагаете нам кров. Было бы, право, несправедливо и крайне неблагодарно выставить вас из-под вашей собственной крыши.

— Тогда убедите его, Аминэ. Я ничего не возьму с него за постой, напротив — сочту это за великую милость, ведь я уеду с тяжелым сердцем, если не буду знать, что вы в безопасности. Вы обещаете мне?

— Обещаю сделать всё, что в моих силах... да что там, могу сказать сразу — всё так и будет, ибо я знаю, какая у меня власть над отцом. Вот моя рука в знак согласия. Этого вам достаточно?

Филипп взял протянутую ему маленькую ручку. Чувства взяли верх над благоразумием, и он прижал ее к своим губам. Он робко поднял глаза, желая проверить, не разгневалась ли Аминэ, и встретил взгляд ее темных глаз — такой же пытливый, как и тогда, когда она впервые впустила его в дом, словно она пыталась прочесть его сокровенные мысли. Но руки она не отняла.

— Поверьте, Аминэ, — проговорил Филипп, целуя ее руку еще раз, — вы можете мне доверять.

— Я надеюсь... я думаю... нет, я уверена, что могу, — ответила она наконец.

Филипп отпустил ее руку. Аминэ вернулась на свое место и какое-то время сидела молча, погруженная в задумчивость. Филипп тоже был занят своими мыслями и не открывал рта. Наконец Аминэ заговорила:

— Мне кажется, я слышала от отца, будто ваша матушка была очень бедна... и немного не в себе; а еще — что в вашем доме была комната, запертая долгие годы.

— Она была заперта до вчерашнего дня.

— И именно там вы нашли свои деньги? Неужели ваша матушка не знала о них?

— Знала, потому что говорила о них на смертном одре.

— Должно быть, существовали веские причины не открывать эту комнату.

— Да, существовали.

— Каковы же они, Филипп? — тихо и мягко спросила Аминэ.

— Я не должен говорить, по крайней мере, мне не следует этого делать. Пусть вас удовлетворит одно: всему виной был страх перед призраком.

— Перед каким призраком?

— Она утверждала, что ей являлся мой отец.

— И как вы думаете, Филипп, он действительно являлся?

— У меня нет в этом никаких сомнений. Но больше я не могу отвечать на вопросы, Аминэ. Теперь комната открыта, и бояться его возвращения не стоит.

— Я этого и не боюсь, — задумчиво произнесла Аминэ. — Но, — продолжила она, — не с этим ли связано ваше решение отправиться в плавание?

— Отвечу вам лишь то, что именно это и заставило меня выйти в море; но умоляю вас, больше ни о чем не спрашивайте. Мне больно отказывать вам, но мой долг запрещает мне говорить дальше.

На несколько минут они оба замолкли, после чего Аминэ возобновила расспросы:

— Вы так страстно желали заполучить ту реликвию, что я невольно думаю: она тоже связана с этой тайной. Разве не так?

— В последний раз, Аминэ, я отвечу на ваш вопрос — да, она имеет к этому отношение. Но отныне — ни слова.

Резкий, почти грубый тон, которым Филипп оборвал разговор, не укрылся от внимания Аминэ, и она заметила:

— Вы настолько поглощены своими мыслями, сударь, что даже не оценили чести, которую я вам оказала, проявив такое участие к вашей судьбе.

— О нет, я всё оценил... Я чувствую это и глубоко благодарен вам, Аминэ. Простите меня, если я был груб; но поймите, этот секрет принадлежит не мне — по крайней мере, мне так кажется. Видит Бог, лучше бы я никогда его не знал, ибо он разрушил все мои надежды на счастье в этой жизни.

Филипп смолк; а когда он поднял глаза, то увидел, что Аминэ по-прежнему пристально смотрит на него.

— Вы хотите прочесть мои мысли, Аминэ, или мою тайну?

— Ваши мысли, пожалуй... тайну — нет. И все же мне больно видеть, как тяжело она тяготит вас. Должно быть, это нечто поистине грозное, раз оно способно сломить такой сильный дух, как ваш, Филипп.

— Откуда в вас столько отваги, Аминэ? — спросил Филипп, переводя разговор на другое.

— Обстоятельства делают людей отважными или трусливыми; те, кто привык к трудностям и опасностям, перестают их бояться.

— И где же вы сталкивались с ними, Аминэ?

— В стране, где я родилась, а вовсе не в этом сыром и туманном краю.

— Доверите ли вы мне историю вашей прежней жизни, Аминэ? Я умею хранить секреты, если вы того пожелаете.

— То, что вы умеете хранить секреты вопреки чужому желанию, вы мне уже доказали, — с улыбкой ответила Аминэ. — Но вы имеете полное право знать о жизни, которую спасли. Я не могу рассказать многого, но и того, что я поведаю, будет достаточно. Мой отец, будучи еще мальчишкой на борту торгового судна, попал в плен к маврам и был продан в рабство к одному хакиму — то есть лекарю. Обнаружив, что мальчик весьма сметлив, мавр выучил его на своего помощника, и именно у этого человека отец перенял врачебное искусство. Через несколько лет он уже ни в чем не уступал своему хозяину, но, будучи рабом, трудился не на себя. Вы знаете — да этого и не скроешь, — как отец жаден до денег. Он страстно мечтал стать таким же богатым, как его господин, и обрести свободу. Он принял магометанскую веру, после чего стал свободным и начал собственную практику. Он взял в жены девушку из арабской семьи — дочь вождя, которого исцелил от тяжелого недуга, — и обосновался в тех краях. На свет появилась я. Отец нажил огромное богатство и сделался очень знаменит, однако смерть сына одного бей, скончавшегося под его руками, стала предлогом для гонений. Отцу грозила смертная казнь, но он сумел бежать, потеряв, впрочем, всё свое любезное сердцу золото. Мы с матерью последовали за ним. Он укрылся у бедуинов, среди которых мы провели несколько лет. Там я привыкла к стремительным переходам, диким и яростным схваткам, поражениям, бегству и частенько — к беспощадной резне. Но бедуины платили за услуги отца скудно, а золото было его идолом. Услышав, что прежний бей умер, он вернулся в Каир, где снова занялся лекарским делом. Ему опять позволили копить богатства, пока его сундуки не разрослись настолько, что привлекли алчность уже нового бей. Но на сей раз отца, к счастью, вовремя предупредили об умысле правителя. Он снова бежал, забрав лишь долю своего богатства, на небольшом судне добрался до испанского берега, однако ему никак не удавалось удержать деньги при себе надолго. Еще до прибытия в эту страну его обобрали почти дочи́ста, и вот уже три года он по крупницам

собирает всё заново. Всего год мы прожили в Мидделбурге, а оттуда перебрались сюда. Вот и вся история моей жизни, Филипп.

— И ваш отец до сих пор держится магометанской веры, Аминь?

— Не знаю. Думаю, он не держится вообще никакой веры; по крайней мере, меня он ничему не учил. Его бог — золото.

— А ваш?

— Мой бог — Творец, создавший этот прекрасный мир и всё, что в нем есть. Бог природы — называйте его как хотите. Я чувствую это, Филипп, но мне хотелось бы знать больше. Существует так много религий, но все они, должно быть, лишь разные тропы, ведущие к одному небу. У вас — христианская вера, Филипп. Она ли истинная? Ведь каждый называет свою веру истинной, каков бы ни был его символ веры.

— Она истинная и единственная, Аминь. Если бы я только мог открыть... у меня есть столь ужасные доказательства...

— Что ваша вера истинна? Но разве в таком случае ваш долг не велит вам открыть эти доказательства? Скажите, связаны ли вы какой-то священной клятвой никогда не разглашать их?

— Нет, не связан; и все же я чувствую себя так, словно связан. Но я слышу голоса — должно быть, это ваш отец и представители властей. Мне нужно спуститься и встретить их.

Филипп поднялся и пошел вниз. Аминь проводила его взглядом и еще долго продолжала смотреть на дверь.

— Неужели это возможно, — проговорила она, откидывая волосы со лба, — так скоро?.. Да, да, это так. Я чувствую, что охотнее разделила бы его тайную скорбь, его опасности, саму смерть с ним, нежели покой и счастье с кем-то другим. И будет очень странно, если я этого не сделаю. Сегодня же вечером отец переедет в его дом. Начну-ка я сборы прямо сейчас.

Показания Филиппа и мынгеера Путса были записаны властями, тела осмотрены, и в одном или двух из них признали известных местных грабителей. После этого трупы убрали по приказу бургомистра. Чиновники завершили свое разбирательство, и Филиппу с мынгеером Путсом позволили вернуться к Аминь. Нет нужды пересказывать последовавший за этим разговор: достаточно сказать, что Путс уступил доводам, которые привели Аминь и Филипп, особенно его пленил аргумент о том, что за аренду платить не придется. Для перевозки мебели и лекарств наняли повозку, и уже после полудня большая часть пожитков была вывезена. Однако лишь с наступлением сумерек тяжелый сундук лекаря погрузили на телегу, и Филипп отправился следом, чтобы охранять его. Аминь вместе с отцом шла рядом с повозкой. Как и следовало ожидать, в ту ночь они закончили приготовления и смогли лечь спать лишь глубокой ночью.

Глава 6 — VI

— Так вот она какая, комната, что была заперта столько времени, — проговорила Аминне, переступив ее порог на следующее утро, задолго до того, как Филипп пробудился от глубокого сна, сморившего его после бессонной ночи. — Да, сразу видно, что ее очень долго не открывали.

Аминне огляделась по сторонам, а затем принялась изучать обстановку. Ее взгляд привлекли птичьи клетки; она заглянула в них.

— Бедные маленькие создания! — продолжала она. — Значит, именно здесь его отец являлся матушке. Что ж, возможно, всё так и было — Филипп говорит, у него есть доказательства, да и почему бы духу не явиться? Если бы Филипп умер, я была бы счастлива увидеть его призрак — это было бы хоть чем-то. О чем это я говорю? Изменчивые уста, как легко вы выдали мою тайну!.. Опрокинутый стол... Похоже, это дело рук испуганного человека. Рабочая шкатулка с разбросанными швейными принадлежностями — ну, это всего лишь женский страх, обычная мышь могла стать тому причиной. И все же есть что-то торжественно-мрачное в самом факте, что за столько лет ни одна живая душа не ступала по этим половицам. То, что даже стол, вот так поваленный, мог оставаться нетронутым годами, кажется почти противостественным и потому сильно действует на ум. Я не удивляюсь, почему Филипп чувствует, какая тяжелая тайна тяготеет над этой комнатой. Но она не должна оставаться в таком запустении, ее нужно немедленно обжить.

Аминне, которая с давних пор привыкла ухаживать за отцом и вести все домашние дела, без промедления принялась за задуманный труд.

Каждый уголок комнаты, каждая вещь в ней были отмыты до блеска. Она полностью смела паутину и пыль, передвинула диван и стол из угла в самый центр комнаты, убрала прочь унылые маленькие темницы для птиц. И когда ее заботливая уборка была завершена, а солнце ярко засияло сквозь распахнутое окно, комната приняла вполне приветливый и жизнерадостный вид.

Аминне обладала врожденным здравым смыслом и интуитивно понимала: тяжелые воспоминания блекнут, когда исчезают предметы, с ними связанные. Она твердо решила вернуть Филиппу душевный покой, ибо со всей страстью и пылкостью, присущими ее южной крови, уже впустила его образ в свое сердце и была полна решимости завоевать его любовь. Снова и снова она принималась за работу, пока картины на стенах и все прочие предметы интерьера не засияли чистотой и свежестью.

Были вынесены не только птичьи клетки, но и швейная шкатулка со всем ее содержимым; а кусок вышивки, от одного прикосновения к которому Филипп отпрянул, точно от гадюки, она убрала с глаз долой вместе с остальными вещами. Ключи Филипп оставил прямо на полу. Аминне отперла буфеты, протерла застекленные дверцы и как раз увлеченно начищала серебряные кубки, когда в комнату заглянул её отец.

— Помилуй меня Небо! — воскликнул мынгеер Путс. — И всё это серебро?! Значит, это правда, и у него действительно припрятаны тысячи гульденов! Но где же они?

— Не ваше это дело, отец. Ваши-то деньги теперь в безопасности, и за это вам следует благодарить Филиппа Вандердеkena.

— Да, это чистая правда. Но раз уж он собирается жить здесь... много ли он ест? И сколько он станет мне платить? Ему следовало бы платить щедро, раз у него столько деньжищ.

Губы Аминне презрительно изогнулись, но она ничего не ответила.

— Интересно, где он держит свои деньги? И ведь он собирается в море, как только найдет подходящий корабль? Кто же присмотрит за его богатством, когда он уплывет?

— Я присмотрю за ним, отец, — ответила Аминне.

— А... да... ну что ж, *мы* присмотрим за ним. Корабль ведь может и ко дну пойти.

— Нет, отец, *мы* не будем присматривать за ними. Вы не будете иметь к этому никакого отношения. Заботьтесь о своем собственном добре.

Амине расставила серебряную посуду в буфете, заперла дверцы и забрала ключи с собой, когда вышла приготовить завтрак. Она оставила старика увлеченно разглядывать драгоценный металл сквозь стеклянные дверцы. Его глаза словно приглушили от этого зрелища, и он никак не мог оторваться, ежеминутно бормоча себе под нос: «Да, всё серебряное...»

Филипп спустился по лестнице. Проходя мимо комнаты в кухню, он заметил мынгеера Путса у буфета и вошел внутрь. Перемена в комнате удивила и искренне порадовала его. Он сразу понял, ради кого и чьими руками это было сделано, и преисполнился благодарности. Вошедшая с завтраком Амине встретила с ним взглядом, и их глаза сказали друг другу куда больше, чем могли бы выразить любые слова. Филипп принялся за еду, и лицо его уже не было столь мрачным и печальным, как прежде.

— Мынгеер Путс, — обратился Филипп к лекарю, едва закончив трапезу, — я намерен оставить свой дом в вашем распоряжении и надеюсь, что вам здесь будет уютно. Все необходимые мелочи перед своим отъездом я передам вашей дочери.

— Значит, вы покидаете нас, господин Филипп, и уходите в море? — отозвался старик. — Должно быть, это так приятно — повидать чужие страны, куда лучше, чем сидеть дома. А когда вы отправляетесь?

— Сегодня же вечером я выезжаю в Амстердам, — ответил Филипп, — чтобы договориться насчет корабля. Но перед самым отплытием я, думаю, еще вернусь сюда.

— О, вы вернетесь! Ну конечно... ведь вам нужно присмотреть за своими деньгами и добром. Надо бы пересчитать ваши денежки — мы сохраним их в целости и сохранности. А где же они лежат, господин Вандердекен?

— Об этом я сообщу вашей дочери сегодня до полудня, перед тем как уеду. Обратного ждите меня самое позднее через три недели.

— Отец, — вмешалась Амине, — вы ведь обещали проведать заболевшего ребенка бургомистра. Вам уже пора идти.

— Да, да... сейчас... всему свое время. Но сначала я должен дожидаться господина Филиппа — ему ведь нужно столько всего рассказать мне перед дорогой.

Филипп невольно улыбнулся, вспомнив, как неохотно мынгеер Путс когда-то тащился в его дом по первому зову, но это воспоминание быстро сменилось грустной думой, и лицо его вновь омрачилось.

Амине, прекрасно понимавшая, что творится в душах отца и Филиппа, принесла старику шляпу и мягко, но решительно выпроводила его за порог. Мынгеер Путс, вовсю упираясь, но никогда не смея перечить воле дочери, был вынужден подчиниться и уйти.

— Так скоро, Филипп? — спросила Амине, возвращаясь в комнату.

— Да, Амине, мне пора. Но я надеюсь еще раз повидаться с вами перед выходом в море. Если же не случится — вот мои указания. Дайте мне ключи.

Филипп открыл нижний шкаф под буфетом и распахнул дверцы железного сейфа.

— Вот, Амине, мои деньги. Нам нет нужды пересчитывать их, как того хотелось бы вашему отцу. Теперь вы видите, что я не лгал, когда говорил о тысячах гульденов. Сейчас они мне ни к чему — мне еще нужно обучиться морскому делу. Но если в один прекрасный день я вернусь, они помогут мне обзавестись собственным кораблем. Не знаю, какая судьба мне уготована.

— А если вы не вернетесь? — тихо и серьезно спросила Амине.

— Тогда всё это принадлежит вам — и золото, и всё, что есть в этом доме, и сам дом.

— Но ведь у вас есть родственники?

— Лишь один богатый дядя. Он почти не помогал нам в нужде, и детей у него нет. Я ему ничего не должен, да он ни в чем и не нуждается. В целом свете есть лишь одно существо, сумевшее пробудить участие в моем сердце, Аминне, — и это вы. Я хочу, чтобы вы видели во мне брата, и сам всегда буду любить вас как дорогую сестру.

Аминне промолчала. Филипп отсыпал из открытого мешка немного монет на дорожные расходы, запер сейф и шкаф и протянул ключи девушке. Он хотел сказать ей что-то еще, но в этот момент в дверь негромко постучали, и в комнату вошел отец Сейсен, местный священник.

— Спаси тебя Господь, сын мой. И тебя, дитя мое, — тебя я вижу впервые. Ты, надо полагать, дочь мынгеера Путса?

Аминне почтительно наклонила голову.

— Я вижу, Филипп, что комната наконец открыта, да и обо всех здешних событиях мне уже донесли. Мне нужно поговорить с тобой, Филипп, а потому я попрошу эту девушку оставить нас на некоторое время наедине.

Аминне послушно вышла. Священник опустился на диван и жестом пригласил Филиппа сесть рядом. Их беседа затянулась и была слишком долгой, чтобы пересказывать ее слово в слово. Сначала отец Сейсен расспрашивал юношу о его тайне, но здесь он не преуспел: Филипп поведал священнику ровно столько же, сколько ранее рассказал Аминне, и ни капель больше. Филипп также подтвердил свое намерение уйти в море и добавил, что в случае его гибели всё имущество — истинных размеров которого он открывать не стал — завещано лекарю и его дочери.

Затем священник заговорил о мынгеере Путсе, желая разузнать, к какому вероисповеданию тот принадлежит, поскольку в церкви его никогда не видели, а в округе и вовсе поговаривали, будто он безбожник. Филипп ответил со всей своей обычной прямоотой и мягко намекнул, что дочь лекаря, напротив, всей душой стремится к духовному просвещению. Он горячо попросил священника взять на себя этот труд, к которому сам Филипп чувствовал себя неспособным. Отец Сейсен, прекрасно замечавший, какие чувства Филипп питает к Аминне, охотно согласился.

Спустя почти два часа их беседу прервало возвращение мынгеера Путса, который пулей выскочил из комнаты, едва заведя духовное лицо. Филипп позвал Аминне и попросил её в качестве личной услуги радушно принимать визиты отца Сейсена. Добрый старик благословил молодых людей и удалился.

— Вы ведь не дали ему денег, господин Филипп? — спросил мынгеер Путс, едва отец Сейсен переступил порог дома.

— Нет, не дал, — ответил Филипп. — Хотя теперь жалею, что не подумал об этом.

— Нет, нет, и хорошо, что не дали! Деньги куда лучше того, что он может вам предложить. Но ему нечего здесь делать, пусть больше не приходит.

— Отчего же, отец? — возразила Аминне. — Раз уж господин Филипп этого желает? Это ведь его собственный дом.

— О да, конечно, раз господин Филипп желает... Но вы же помните, что он уезжает.

— Ну и пусть уезжает! Почему из-за этого святой отец не может приходить сюда? Он будет приходить ко мне.

— К тебе, дитя мое?! И что ему от тебя надобно? Ну хорошо, пускай приходит, но я не дам ему ни единого стивера — тогда он сам быстро отвалится.

Филиппу больше не представилось случая поговорить с Аминне наедине. Да ему, по правде, и нечего было добавить. Час спустя он простился с ней в присутствии её отца, который ни на шаг не отходил от молодых людей, всё еще втайне надеясь вывести у Филиппа что-нибудь о золоте, оставленном на хранение.

Через два дня Филипп прибыл в Амстердам. Наведя справки, он с горечью узнал, что в ближайшие несколько месяцев ни один корабль не выйдет в Ост-Индию. К тому времени Гол-

ландская Ост-Индская компания уже давно укрепила свои позиции, и всякая частная торговля была прекращена. Суда Компании отправлялись в путь лишь в самое благоприятное, как тогда считалось, время года, чтобы благополучно обогнуть Мыс Бурь — как нарекли Мыс Доброй Надежды первые мореплаватели. Одним из кораблей, готовившихся к отплытию со следующим флотом, был трехмачтовый «Тер Шиллинг», ныне стоявший в гавани со снятыми снастями.

Филипп разыскал капитана и прямо заявил о своем желании плыть с ним, чтобы обучиться морскому делу. Капитан остался весьма доволен его внешним видом и манерами. Поскольку Филипп не только согласился служить без жалованья, но и вызвался сам заплатить за свое обучение на борту, ему пообещали место второго помощника с правом столоваться в капитанской каюте и заверили, что известят, как только судно будет готово к выходу в море. Сделав всё, что требовал его сыновний обет, Филипп немедленно отправился обратно в Тернёзен и вскоре вновь оказался рядом с Амине.

Прошло два месяца. Мынгеер Путс всё так же усердно трудился на лекарском поприще и редко бывал дома, оставляя молодых людей наедине друг с другом целыми днями. Любовь Филиппа к Амине была столь же глубокой, как и её чувство к нему. Это была уже не просто влюбленность — это была беззаветная преданность с обеих сторон, крепнущая день ото дня. Да и кто мог быть пленительнее и желаннее, чем гордая, но бесконечно нежная Амине? Время от времени чело Филиппа омрачалось, стоило ему вспомнить о той грозной и мрачной доле, что ждала его впереди; но одна лишь улыбка Амине мгновенно разгоняла эту тьму, и, глядя в её глаза, он забывал обо всём на свете. Амине не скрывала своей привязанности: она сквозила в каждом её слове, взгляде и жесте. Когда Филипп брал её за руку, обнимал за талию или прижимался губами к её коралловым уставам, в её поведении не было и тени притворного кокетства. Она была слишком благородна и доверчива для этого; она знала, что всё её счастье заключено в его любви, и жила лишь минутами его присутствия.

Так незаметно пролетели два месяца. В один из дней отец Сейсен, который часто навещал их и усердно наставлял Амине в вопросах веры, вошел в комнату как раз в тот момент, когда девушка покоилась в объятиях Филиппа.

— Дети мои, — заговорил священник, — я уже давно наблюдаю за вами, и это не к добру. Филипп, если ты намерен жениться — а я полагаю, что это так, — медлить всё равно опасно. Я должен сочетать ваши руки браком.

Филипп вздрогнул и поднялся с места.

— Неужели я ошибся в тебе, сын мой? — сурово спросил священник.

— Нет, нет, добрый отче. Но умоляю вас, оставьте нас сейчас. Приходите завтра, и всё будет решено. Мне нужно поговорить с Амине.

Священник вышел из комнаты, и Амине с Филиппом снова остались одни. Краска то прилиwała к щекам девушки, то сбегала с них, а сердце бешено колотилось: она понимала, что сейчас на весах лежит всё её счастье.

— Священник прав, Амине, — заговорил Филипп, садясь подле неё. — Так продолжаться не может. О, если бы я только мог остаться с вами навсё! Как жестока моя доля! Вы знаете, что я боготворю саму землю, по которой вы ступаете, и всё же я не смею просить вас разделить со мной жизнь, обреченную на вечные муки.

— Стать твоей женой не значит венчаться с мукой, Филипп, — ответила Амине, опустив глаза.

— С моей стороны это было бы жестоко, Амине. Это был бы чистейший эгоизм.

— Я скажу прямо, Филипп, — отозвалась она. — Ты говоришь, что любишь меня. Я не знаю, как любят мужчины, но я знаю, как умею любить я. И я чувствую, что покинуть меня теперь — вот что было бы с твоей стороны истинной жестокостью и эгоизмом. Ибо если ты уйдешь, Филипп, я... я просто умру. Ты твердишь, что должен уехать, что этого требуют рок и твоя роковая тайна. Пусть так. Но разве я не могу поехать с тобой?

— Поехать со мной, Амине? Навстречу смерти?

— Да, навстречу смерти. Ведь что такое смерть, как не избавление? Я не боюсь смерти, Филипп, я боюсь лишь потерять тебя. И разве твоя жизнь не в руках Того, кто сотворил всё сущее? Отчего же ты так уверен, что погибнешь? Ты намекал мне, что избран — призван исполнить некий долг. Но раз ты избран, то и шансов погибнуть меньше: пока предназначение не исполнится, ты будешь жить. О, как бы я хотела знать твою тайну, Филипп! Женский ум мог бы сослужить тебе добрую службу. А если бы и не помог — неужели нет утешения и радости в том, чтобы делить и горе, и счастье с той, которую ты, по твоим собственным словам, любишь до безумия?

— Амине, бесценная моя Амине! Лишь моя любовь, моя горячая любовь заставляет меня колебаться. О, Амине, какое счастье я испытал бы, если бы мы соединились в этот самый час! Я право не знаю, что говорить и как поступить. Я не смогу скрыть от тебя свою тайну, если ты станешь моей женой, но я не женюсь на тебе, пока ты её не узнаешь. Будь что будет, Амине, я поставлю на карту всё. Ты узнаешь этот секрет, узнаешь, какой я обреченный страдалец — хоть и не по своей вине, — и тогда решишь сама. Но помни: мой обет запечатлен на небесах, и никто не волен отвортить меня от него. Помни об этом и выслушай мой рассказ. И если после этого ты всё же решишь связать судьбу с человеком, чье будущее столь беспросветно — пусть будет так. Меня ждет короткое счастье, но тебя, Амине...

— Открой же мне тайну, Филипп, немедленно! — нетерпеливо воскликнула Амине.

И Филипп во всех подробностях поведал ей историю, которая уже известна читателю. Амине слушала молча; на протяжении всего рассказа ни единая черточка не изменилась в её лице. В завершение Филипп повторил клятву, которую принес на священной реликвии.

— Вот и всё, — печально подытожил он.

— Странная история, Филипп, — ответила Амине. — А теперь выслушай меня. Но сначала дай мне эту реликвию — я хочу взглянуть на нее. И неужели в этой маленькой вещице таится такая сила... я едва не сказала «такое зло»? Странно. Прости меня, Филипп, но у меня все еще остаются сомнения в этом предании об Иблисе (так мусульмане называют дьявола). Ты же знаешь, я еще не вполне окрепла в той новой вере, которой ты и добрый священник пытаешься меня обучить. Я не утверждаю, что всё это ложь, но тому, кто еще столь наперпутье, как я, простительно колебаться. И все же, Филипп, давай примем за истину каждое твое слово. Если это так, то даже без всякой клятвы исполнить это было бы твоим долгом. И не думай об Амине так дурно, не воображай, будто она станет удерживать тебя от правого дела. Нет, Филипп, отыщи своего отца и, если это в твоих силах и он нуждается в помощи, спаси его.

Она мягко коснулась его плеча и продолжила:

— Но неужели ты думаешь, Филипп, что столь великий, столь высокий труд можно совершить с первой же попытки? О нет! Если ты действительно избран для этого, тебя будут хранить среди любых невзгод и опасностей, пока ты не исполнишь своего предназначения. Ты уцелеешь, Филипп, и будешь вновь и вновь возвращаться домой — чтобы найти здесь утешение, покой, заботу и любовь Амине, твоей жены. А когда Создателю будет угодно призвать тебя из этого мира, память о тебе, если я переживу тебя, Филипп, навеки останется в моей груди. Ты предоставил мне решать, Филипп... Любимый мой, я твоя!

Амине раскрыла объятия, и Филипп с неистовой нежностью прижал её к своему сердцу. В тот же вечер Филипп попросил у лекаря руки его дочери. Стоило юноше распахнуть железный сейф и показать блеск золотых гульденов, как мынгеер Путс тут же дал свое громогласное согласие.

На следующий день пришел отец Сейсен и получил долгожданный ответ. А уже через три дня веселый перезвон колоколов маленькой церкви Тернёзе возвестил всю округу о счастливом союзе Амине Путс и Филиппа Вандердекена.

Иблис — в исламской традиции имя падшего ангела (дьявола), аналог христианского Сатаны. Амине, выросшая на Востоке, использует привычные ей образы, пытаясь осмыслить христианские догматы и семейное проклятие Вандердекенов.

Глава 7 — VII

Только поздней осенью Филипп был пробужден от своего любовного сна (ибо чем, увы, является любое земное наслаждение, если не сном?) призывом от капитана судна, на котором он обязался плыть. Как ни странно, с самого первого дня, когда он стал обладателем своей Аминь, Филипп больше не предавался мрачным раздумьям о грядущей судьбе. Время от времени она всплывала в его памяти, но тут же отбрасывалась и на время забывалась. Он полагал, что будет вполне достаточно исполнить свое обязательство, когда придет срок. И хотя часы летели, день сменялся днем, неделя неделей и месяц месяцем с той стремительностью, что сопутствует жизни в покое и неизменном блаженстве, Филипп забывал свой обет в объятиях Аминь. Сама же она тщательно избегала темы, способной омрачить чело её обожаемого супруга.

Правда, раз или два старый Путс поднимал вопрос об отъезде Филиппа, но возмущенный взгляд и властное повеление Аминь (которая слишком хорошо знала корыстные мотивы своего отца и в такие минуты смотрела на него с отвращением) заставляли его умолкнуть. Тогда старик проводил свободные часы, прохаживаясь взад и вперед по гостиной и не отрывая взгляда от буфетов, где серебряные кубки теперь сияли во всем своем первозданном великолепии.

Одним октябрьским утром в дверь дома негромко постучали. Поскольку этот осторожный стук указывал на незнакомца, Аминь пошла открывать.

— Я хотел бы поговорить с мастером Филиппом Вандердекенем, — произнес пришелец полупшепотом.

Человек, обратившийся к Аминь, был маленькой, худощавой особой, облаченной в одежду голландских моряков того времени, с шапкой из барсучьего меха, надвинутой на самый лоб. Черты его лица были острыми и мелкими, само лицо — смертельно бледным, губы — бескровными, а волосы — странного промежуточного оттенка между рыжим и седым. Борода у него почти не росла. По правде говоря, определить его возраст было крайне трудно: это мог быть и болезненный юноша, рано начавший дряхлеть, и крепкий духом старик, на теле которого совсем не осталось плоти.

Однако самой примечательной чертой, сразу приковавшей к себе внимание Аминь, был глаз этого странного персонажа, — ибо глаз у него был всего один. Правое веко было плотно сомкнуто, а глазное яблоко под ним явно усохло; зато левый глаз для столь мелкого лица и головы казался необычайно огромным, сильно нависшим, чистым, водянистым и крайне неприятным на вид, поскольку не был обрамлен ресницами ни сверху, ни снизу. Эта черта была настолько поразительной, что, когда вы смотрели на этого человека, вы видели только его глаз и больше ничего. Это был не человек с одним глазом, а один огромный глаз, к которому приделали человека; его тело служило лишь башней маяка, не имеющей иной ценности и не привлекающей иного внимания, кроме как в качестве опоры для сигнального огня, указующего путь отважному мореплавателю.

И всё же при более внимательном осмотре можно было заметить, что этот человек, хоть и мал ростом, сложен весьма изящно; кожа его рук по своей текстуре и цвету разительно отличалась от грубых рук обычных матросов; черты лица, пусть и острые, в целом оставались правильными, а в его подбострастных манерах сквозило некое превосходство. Во всем его облике ощущалось что-то неопишное, внушавшее едва ли не благоговейный трепет.

Темные глаза Аминь на мгновение замерли на посетителе, и она ощутила в сердце необъяснимый холод, когда пригласила его войти в дом.

Филипп был крайне поражен внешним видом незнакомца, который, едва войдя в комнату, без единого слова бесцеремонно уселся на диван рядом с ним — на то самое место, которое только что покинула Аминь. Филиппу показалось чем-то зловещим то, как этот человек

занял место его жены. Всё пережитое и забытое мгновенно пронеслось в его памяти; он почувствовал, что этот визит — призыв вырваться из его недолгого блаженства и покоя навстречу жизни, полной будущих тревог, опасностей и страданий.

Что особенно поразило Филиппа: когда этот человечек сел рядом, внезапный ледяной холод пробежал по всему его телу. Краска сбежала с лица Филиппа, но он не произнес ни слова. Минуту или две царило полное молчание. Одноглазый гость огляделся по сторонам, перевел взгляд с буфетов и уставился на стоявшую перед ним Аминю. Наконец тишина была прервана каким-то странным хихиканьем со стороны незнакомца, который выдавил:

— Филипп Вандердекен... хи-хи!.. Филипп Вандердекен, ты меня не узнаешь?

— Нет, не узнаю, — полусердито ответил Филипп.

Голос у маленького человека был престранный — какой-то приглушенный визг, звуки которого еще долго отдавались в ушах после того, как он умолкал.

— Я Схрифтен, один из лоцманов «Тер Шиллинга», — продолжил тот. — И я пришел... хи-хи! — тут он пристально посмотрел на Аминю, — увести тебя от любви... — затем его взгляд переместился на буфеты, — хи-хи! — от уюта, и от этого тоже, — вскричал он, топнув ногой по полу и поднимаясь с дивана, — от твердой земли... хи-хи!.. возможно, прямоком в водную могилу. Приятного мало! — добавил Схрифтен с ухмылкой и устремил свой единственный, исполненный глубокого смысла глаз прямо в лицо Филиппа.

Первым порывом Филиппа было выставить незваного гостя за дверь. Но Аминю, прочитав его мысли, спокойно скрестила руки на груди, с презрением посмотрела на карлика и заметила:

— Мы все должны встретить свою судьбу, любезный. И на суше, и на море смерть заберет свое. И даже если смерть заглянет ему прямо в лицо, щеки Филиппа Вандердекена никогда не станут такими же смертельно бледными, как твои сейчас.

— Неужели? — отозвался Схрифтен, явно раздосадованный столь хладнокровной решимостью столь молодой и прекрасной девушки. Затем, зафиксировав взгляд на серебряном окладе Девы Марии на каминной полке, он добавил: — Ты католик, как я погляжу... хи!

— Да, я католик, — ответил Филипп. — Но какое тебе до этого дело? Когда корабль снимается с якоря?

— Через неделю... хи-хи!.. всего неделя на сборы. Только семь дней, чтобы со всем распрощаться. Короткий срок!

— Более чем достаточный, — отрезал Филипп, поднимаясь с дивана. — Можешь передать капитану, что я буду в срок. Идем, Аминю, нам нельзя терять времени.

— Действительно, нельзя, — поддержала Аминю. — И наш первый долг — гостеприимство. Мынгеер, не желаете ли вы подкрепиться с дороги?

— Ровно через неделю, — обратился Схрифтен к Филиппу, полностью проигнорировав вежливый вопрос Аминю.

Филипп лишь молча кивнул в ответ. Человечек повернулся на каблуках, покинул комнату и вскоре скрылся из виду.

Аминю бессильно опустилась на диван. Внезапное крушение её недолгого счастья было слишком резким, слишком безжалостным и жестоким ударом для нежно любящей, пусть и наделенной героическим духом женщины. В словах и манерах одноглазого вестника сквозила явная злоба; казалось, он знает гораздо больше остальных, и это знание внушало Аминю и Филиппу безотчетный страх и смятение. Аминю не плакала, но закрыла лицо руками, пока Филипп неверными шагами мерил маленькую комнату.

И вновь со всей яркостью красок в его памяти воскресли наполовину забытые картины. Он снова мысленно переступил порог той роковой комнаты своей матери, снова его окружил полумрак. Перед ним на полу лежали пальцы с вышивкой, и он снова вздрогнул, словно перед ним только что появилось таинственное письмо.

Оба они очнулись от сна о земном блаженстве и теперь содрогались перед грозным будущим, предстоящим их взору. Но нескольких минут Филиппу хватило, чтобы вернуть былое самообладание. Он сел рядом с Амине и крепко прижал её к себе. Они молчали. Слишком хорошо они понимали мысли друг друга. И, чего бы им это ни стоило, оба они собирали в кулак всё свое мужество и пытались смириться с жестокой истиной: в этом мире им суждено на время — а возможно, и навсегда — расстаться.

Амине заговорила первой. Высвободившись из объятий мужа, она сперва прижала его руку к своей груди, словно пытаясь унять болезненное, частое сердцебиение, а затем тихо произнесла:

— Филипп, этот вестник точно был не из мира сего! Разве ты не почувствовал, как тебя обдало смертным холодом, когда он сел рядом? Я ощутила этот холод, едва он переступил порог.

Филипп, которого терзали те же предчувствия, но который не хотел пугать жену, смущенно ответил:

— Ну что ты, Амине, это просто игра воображения. Неожиданное появление этого человека и его странное поведение заставили тебя так думать. Я же увидел в нем лишь несчастного калеку, который из-за своего уродства озлобился на весь свет. Он лишен домашнего тепла, лишен женских улыбок — ведь какая женщина сможет улыбнуться такому существу? В нем просто вскипела желчь при виде такой красоты в объятиях другого, и он испытал злобную радость, принеся весть, которая разрушит счастье, недоступное ему самому. Будь уверена, любовь моя, в этом нет ничего иного.

— Но даже если мои догадки верны, какое это теперь имеет значение? — отозвалась Амине. — Ничто уже не сможет сделать твою долю еще более грозной и отчаянной. Теперь, когда я стала твоей женой, Филипп, я чувствую в себе меньше отваги, чем в тот день, когда без колебаний отдала тебе свою руку. Тогда я еще не знала, насколько тяжела будет эта потеря. Но не бойся за меня. Как бы ни сжималось сейчас мое сердце, — продолжала она, прижав ладонь к груди, — я готова ко всему. И я горжусь тем, что человек, избранный для столь великого дела — мой муж.

Амине на секунду умолкла, а затем тихо добавила:

— Но ты ведь не мог ошибиться, Филипп?

— Нет, Амине! Я не ошибся ни в полученном знамении, ни в собственном мужестве, ни в выборе супруги, — печально ответил Филипп, обнимая её. — На то воля Небес.

— Тогда да пребудет воля Его, — произнесла Амине, поднимаясь с места. — Первый удар позади. Теперь мне легче, Филипп. Твоя Амине знает свой долг.

Филипп ничего не ответил. Помолчав немного, она продолжила:

— Но всего одна короткая неделя, Филипп...

— О, если бы это был всего один день! — воскликнул он. — Этого было бы более чем довольно. Он явился слишком рано — этот одноглазый монстр.

— Нет, не говори так, Филипп. Я благодарна ему за эту неделю — это совсем недолгий срок, чтобы отвыкнуть от счастья. Согласна, если бы я стала изводить тебя, донимать упреками и лишать мужества своими слезами, мольбами или жалобами (как поступили бы некоторые жены на моем месте, Филипп), то и одного дня было бы слишком много для подобного малодушия с моей стороны и муки — с твоей. Но нет, Филипп, твоя Амине лучше понимает свой долг. Ты должен идти навстречу опасностям, как рыцарь былых времен, возможно, на самую смерть. Но Амине сама снарядит тебя в путь: она докажет свою любовь тем, что заботливо проверит каждую заклепку на твоих доспехах, дабы уберечь в грозный час. Она проводит тебя с надеждой и верой, предвкушая твое возвращение. Неделя — это не так уж долго, Филипп, если провести её так, как намерена провести её я. Это неделя для того, чтобы делиться сокровенными мыслями, слушать твой голос, внимать каждому твоему слову — ведь каждое из них

навек запечатлится в моей памяти, — размышлять о них и питать ими свою любовь в твоём отсутствии, в моём полном одиночестве. Нет, нет, Филипп! Я благодарю Бога за то, что у нас есть ещё целая неделя.

— Тогда и я благодарен за неё, Аминь. В конце концов, мы ведь знали, что этот миг настанет.

— Да! Но моя любовь была столь сильна, что изгнала из головы любые дурные воспоминания.

— И всё же во время нашей разлуки твоей любви придется питаться именно воспоминаниями, Аминь.

Она лишь тяжело вздохнула. В этот момент их разговор был прерван появлением мын-геера Путса, который, поразившись перемене в прежде сияющем лице дочери, воскликнул:

— Святой Пророк! Что ещё стряслось?

— Ничего сверх того, что мы все знали заранее, — ответил Филипп. — Я уезжаю. Корабль отплывает через неделю.

— О! Ты уплываешь через неделю?

На лице старика отразилось странное выражение: он изо всех сил пытался скрыть от Аминь и её мужа ту дикую радость, которую ощутил при вести об отъезде Филиппа. Наконец ему удалось придать лицу степенный и скорбный вид:

— Это действительно прескверные новости.

Ему никто не ответил. Аминь и Филипп вместе вышли из комнаты.

Мы должны безмолвно миновать эту неделю, целиком ушедшую на сборы Филиппа. Мы должны умолчать о героизме Аминь, которая сдерживала свои чувства, хотя душу её разрывала невыносимая мука от мысли о разлуке с обожаемым супругом. Мы не станем долго описывать и ту бурю противоречивых чувств, что бушевала в груди Филиппа, покидавшего достаток, покой и любовь ради опасностей, лишений и смерти. В иные минуты он готов был бросить всё и остаться, но стоило ему достать из-за пазухи священную реликвию и вспомнить принесенную на ней клятву, как им вновь овладевало страстное желание поскорее отправиться в путь.

Аминь, засыпая в объятиях мужа, мысленно подсчитывала каждые оставшиеся часы. А когда она лежала без сна под завывания ветра за окном, её охватывал трепет перед теми испытаниями, что ждали Филиппа в море. Для них обоих эта неделя тянулась бесконечно долго. И хотя им казалось, будто время летит слишком быстро, утро расставания принесло с собой даже какое-то облегчение. Их чувства, которые они так долго сдерживали и прятали ради спокойствия друг друга, наконец-то вырвались наружу; переполненные груди облегченно вздохнули. Неизвестность уступила место горькой определенности, но в их сердцах все ещё теплилась надежда, способная ободрить их и разогнать мрак на темном горизонте будущего.

— Филипп, — тихо произнесла Аминь, когда они сидели рядом, переплетя пальцы рук. — Мне не будет так тяжело, когда ты уплывешь. Я не забыла, что обо всем этом меня предупреждали ещё до нашей свадьбы и что ради своей любви я сознательно пошла на этот риск. Моё преданное сердце часто шепчет мне, что ты вернешься. Но оно может и обманывать: ты можешь вернуться, но уже неживым. В этой самой комнате я буду ждать тебя. Я буду сидеть вот на этом диване, который верну на его прежнее место. И если ты не сможешь явиться мне живым — о, не откажи мне, если только это возможно, явись мне мертвым. Я не испугаюсь ни бури, ни распахнувшегося от ветра окна. О нет! Я буду счастлива принять даже твой призрак. Умоляю, дай мне хоть раз увидеть тебя, дай мне узнать наверняка, что тебя больше нет — тогда я пойму, что мне незачем больше оставаться в этом мире, и поспешу воссоединиться с тобой в обители блаженства. Обещай мне это, Филипп.

— Я обещаю всё, о чем ты просишь, если на то будет воля Небес. Но, Аминь... — губы Филиппа задрожали. — Я не могу... Боже милосердный! Какое же это испытание... Аминь, я больше не могу здесь оставаться.

Темные глаза Аминe были устремлены на мужа. Она не могла произнести ни слова, черты её лица исказила судорога — силы покинули её, не выдержав этого невыносимого избытка чувств. Она без чувств упала в его объятия. Филипп, собиравшийся запечатлеть последний поцелуй на её бледных губах, понял, что она упала в обморок.

— Сейчас она ничего не чувствует, — прошептал он, бережно опуская её на диван. — Так даже лучше... слишком скоро она очнется для своего горя.

Позвав на помощь дочери мынгеера Путса, находившегося в соседней комнате, Филипп схватил шляпу, запечатлел еще один горячий поцелуй на её лбу, пулей выскочил из дома и скрылся из виду задолго до того, как Аминe пришла в себя.

Глава 8— VIII

Прежде чем мы последуем за Филиппом Вандердекенем в его опасном и дерзком предприятии, необходимо освежить в памяти читателей некоторые события и кратко напомнить о том, что именно побудило голландцев устремиться на Восток — в земли, ставшие для них источником неисчерпаемого, как они полагали, богатства.

Начнем с самого начала. Карл Пятый, повелевавший большей частью Европы, по одному ему известным причинам решил удалиться от мира. Свои владения он разделил между Фердинандом и Филиппом. Фердинанду досталась Австрия со всеми её зависимыми землями, а Филиппу — Испания. Однако, дабы сделать этот раздел более справедливым и приятным для последнего, Карл в придачу подбросил Нидерланды вместе с парой миллионов вегетирующих на этой земле душ. Распорядившись подобным образом судьбами простых смертных — к вящему своему удовольствию, — император удалился в монастырь, оставив себе лишь скромное содержание, двенадцать слуг и одного пони. Покаялся ли он впоследствии в своей причуде и сажился ли вообще на этого пони — история умалчивает; достоверно известно лишь одно: через два года он скончался.

Филипп же посчитал (как до него и после думали многие правители), что имеет полное право делать со своей собственностью всё, что ему заблагорассудится. Поэтому он отобрал у голландцев большую часть их былых вольностей и прав. Чтобы хоть как-то возместить эту утрату, он даровал им Инквизицию. Но голландцы почему-то начали роптать, и Филипп, дабы заглушить этот ропот, сжег нескольких из них на костре. В ответ на это жители Нидерландов, питающие в силу природных условий слабость к водной стихии, выразили решительный протест против веры, которая оказалась слишком уж горячей для их темперамента. Коротко говоря, ересь стала распространяться с невероятной скоростью. Тогда туда был послан герцог Альба с огромным войском — с целью доказать голландцам, что Инквизиция представляет собой наилучшее из всех возможных государственных устройств и что для человека бесконечно выгоднее погореть полчаса в этом мире, чем жариться целую вечность в мире ином.

Это легкое разногласие во мнениях послужило поводом к войне, которая затянулась без малого на восемьдесят лет. В итоге, избавив несколько сотен тысяч человек от докучливой необходимости умирать в собственных постелях, эта бойня завершилась тем, что Семь Соединенных Провинций наконец-то обрели полную независимость.

А теперь нам придется вернуться немного назад.

В течение целого столетия после того, как Васко да Гама открыл путь вокруг мыса Доброй Надежды, португальцам никто не мешал. Но со временем авантюрный дух пробудился и в английской нации. Португальцы заявляли, что путь в Индию в обход мыса — их исключительное право, и защищали его силой оружия. Долгое время ни одна частная компания не осмеливалась бросить им вызов, да и сама торговля поначалу не казалась правительствам настолько ценной, чтобы ради неё ввязываться в войну. Поэтому английские искатели приключений направили свои усилия на поиск северо-западного прохода в Индию, на который португальцы никак не могли претендовать. На эти тщетные попытки ушла лучшая часть шестнадцатого века. В конце концов англичане оставили эти притязания и решили больше не обращать внимания на португальские угрозы.

После пары неудачных экспедиций было снаряжено новое вооруженное судно, которое передали под начало Фрэнсиса Дрейка. Этот отважный и удачливый мореплаватель добился большего, чем надеялись самые отчаянные оптимисты. В мае 1580 года, после плавания, длившегося почти три года, он вернулся в Англию, привезя с собой несметные богатства и заключив выгоднейшие соглашения с правителем Молуккских островов.

Его успех в 1600 году закрепили Кавендиш и другие мореплаватели. К тому времени английская Ост-Индская компания уже получила свою первую правительственную хартию и к моменту описываемых событий с переменным успехом вела торговлю уже более полувека.

В те времена, когда голландцы еще оставались вассалами испанской короны, они имели обыкновение закупать восточные товары в Лиссабоне, а затем перепродавать их по всей Европе. Но когда они разругались с Филиппом, их перестали допускать к розничной торговле испанскими колониальными товарами. В результате, отстаивая и с боем вырывая свою независимость, голландцы параллельно снарядили собственные экспедиции в Индию. Они увенчались успехом, и в 1602 году правительство объединило различных искателей наживы в единую компанию, созданную по тем же принципам и правилам, что и английская.

Таким образом, к моменту нашего повествования англичане и голландцы вели торговлю в индийских морях уже более пятидесяти лет. Португальцы же растеряли почти все свое бывшее могущество из-за союзов, которые их соперники заключили с восточными владыками, изрядно настрадавшимися от португальской жестокости и алчности.

Каковы бы ни были обязательства голландцев перед англичанами за помощь, полученную во время борьбы за независимость, их благодарность, судя по всему, не простиралась дальше мыса Доброй Надежды. По ту его сторону португальцы, англичане и голландцы без лишних церемоний топили и захватывали корабли друг друга, и там не существовало иного закона, кроме закона грубой силы. Метрополиям время от времени приходилось вмешиваться, но до поры до времени это приводило лишь к бумажным войнам, поскольку было очевидно, что хороши абсолютно все стороны.

В 1653 году Кромвель возглавил Англию в качестве Лорда-протектора. Годом позже, тщетно потребовав от голландцев удовлетворения за убийство своего посла-царевубийцы, произошедшее в тот год, а также компенсации за жестокую расправу над англичанами на острове Амбон около тридцати лет назад, он объявил Голландии войну. Чтобы доказать, что он не шутит, Кромвель захватил более двухсот голландских судов, и голландцы (крайне неохотно) начали готовиться к отпору. Блейк и Ван Тромп сошлись в море, и их морские сражения отличались крайним упорством. В «Истории Англии» победу неизменно приписывают англичанам, а в трудах голландских историков — голландцам. Судя по всем свидетельствам, эти схватки были настолько ожесточенными, что в каждом случае обе стороны оказывались изрядно побиты. Тем не менее в 1654 году был подписан мирный договор. Голландец обязался «снимать шляпу» всякий раз, когда встретит английский корабль в открытом море — сугубо акт вежливости, против которого мынгеер ничего не имел, поскольку это не стоило ему ни единого стивера.

И вот теперь, подробно изложив положение дел к моменту отплытия Филиппа, мы возвращаемся к нашей истории.

Едва переступив порог родного дома, Филипп поспешил прочь, словно пытался убежать от собственных мучительных мыслей. Через два дня он прибыл в Амстердам. Первым делом он раздобыл маленькую, но прочную стальную цепочку, чтобы заменить ею шелковую ленту, на которой реликвия до сих пор висела у него на шее. Сделав это, он поспешил погрузить свои пожитки на борт «Тер Шиллинга».

Филипп не забыл взять с собой и те деньги, которые обещал выплатить капитану за право считаться на борту скорее учеником, нежели простым матросом. Кроме того, он запасся некоторой суммой на личные расходы. Было уже поздно, когда он поднялся на борт «Тер Шиллинга», стоявшего на одном якоре в окружении других кораблей, составлявших Ост-Индский флот. Капитан по фамилии Клоотс принял его весьма радушно, показал ему койку, после чего сразу спустился в трюм, чтобы разобраться с укладкой груза, оставив Филиппа на палубе наедине с его невеселыми раздумьями.

«Значит, вот оно, — думал Филипп, опершись о гакаборт и глядя вперед, — вот оно, судно, на котором мне предстоит совершить первую попытку. Первую и... быть может, последнюю. Как мало те, с кем я собираюсь плыть, догадываются об истинной цели моего путешествия! Как разительно мои намерения отличаются от стремлений остальных! Ищу ли я богатства? Нет! Жажду ли удовлетворить любопытство или дать волю бродящему духу? Нет! Я ищу встречи с мертвецом. Но смогу ли я встретить покойника без опасности для самого себя и для тех, кто плывет со мной? Едва ли, ведь воссоединиться с ним можно только в смерти. Если бы они прознали о моих желаниях и помыслах, разве позволили бы они мне оставаться на борту хоть час? Суеверные, как принято считать, моряки нашли бы в моей миссии отличное оправдание не только для своих страхов, но и для того, чтобы избавиться от попутчика с таким жутким поручением. Жуткое дело, что и говорить! Но как его исполнить? Одно лишь Небо при моем упорстве способно разрешить эту загадку».

Мысли Филиппа снова вернулись к его Амине. Скрестив руки на груди, погруженный в глубокое созерцание, он поднял глаза к небесам и, казалось, провожал взглядом бегущие по небу рваные тучи.

— Не лучше ли вам спуститься вниз? — раздался мягкий голос, заставивший Филиппа очнуться от забытья.

Это был первый помощник капитана по фамилии Хиллебрант — коренастый, крепко сбитый человек лет тридцати. Его льняные волосы длинными прядями падали на плечи, лицо было светлым, а глаза — мягкого голубого цвета. Хотя в его облике было мало матросского, мало кто знал и исполнял свои обязанности лучше него.

— Благодарю вас, — ответил Филипп. — Я и вправду позабыл обо всем на свете и о том, где нахожусь; мысли мои были далеко отсюда. Доброй ночи и большое спасибо.

«Тер Шиллинг», как и большинство судов той эпохи, по своей конструкции и оснастке разительно отличался от нынешних кораблей. Это было трехмачтовое судно водоизмещением около четырехсот тонн. Днище его было почти плоским, а борта по мере подъема над водой сильно сходились внутрь, так что верхняя палуба была едва ли вполовину шире трюма.

Поскольку все суда, зафрахтованные Компанией, были военными, её главная палуба оставалась свободной от грузов; на каждом борту стояло по шесть девятифунтовых орудий, а пушечные порты были небольшими и овальными. Все палубы имели сильный погиб — то есть круто изгибались вверх к носу и корме. На баке от самых эзельгофтов тянулась еще одна небольшая палуба, именовавшаяся фор-брам-баком. Квартердек оканчивался ютом, высоко возвышавшимся над водой. Бушприт стоял под очень крутым углом и казался чуть ли не четвертой мачтой, тем более что корабль нес квадратный блинд и бом-блинд. На фальшбортах квартердека и юта в гнездах были закреплены орудия ближнего боя, давно вышедшие из употребления, но известные тогда под названиями когорн и патераро; они вращались на вертлюгах и наводились с помощью железной рукояти, прикрепленной к казенной части. Парус позади бизань-мачты (соответствующий нынешнему драйверу или бизани) крепился на латинском рее. После такого описания вряд ли стоит добавлять, что опасности долгого плавания немало увеличивались из-за столь специфической конструкции судна: перегруженное сверху и имевшее слишком высокую надводную часть, оно прекрасно шло при попутном ветре, но совершенно не могло удерживать курс при боковом ветре, и у него оставалось мало шансов, если его прижимало к подветренному берегу.

Экипаж «Тер Шиллинга» состоял из капитана, двух помощников, двух лоцманов и сорока пяти матросов. Суперкарго (судовой приказчик) еще не прибыл на борт. Каюта под ютом предназначалась для суперкарго, а каюта на главной палубе — для капитана и помощников, которые и составляли всю кают-компанию.

Когда Филипп проснулся на следующее утро, он обнаружил, что марсели уже подняты, а якорный канат натянут «панер» — корабль стоял прямо над якорем. Некоторые другие суда

флотилии уже снялись с якоря и выходили из гавани. Погода стояла прекрасная, море было спокойным, а суэта и новизна обстановки приятно оживляли его дух. Капитан, мынгеер Клоотс, стоял на юте с маленькой подзорной трубой из папье-маше у глаза, с тревогой вглядываясь в сторону города. Мынгеер Клоотс по своему обыкновению держал во рту трубку, и дым, который он выпускал, на время заволакивал линзы его подзорной трубы.

Филипп поднялся по трапу на ют и поприветствовал его.

Мынгеер Клоотс был человеком весьма неавиационных габаритов, и количество одежды, которую он носил, немало добавляло ему видимого объема. Из верхней одежды на нем были: шапка из грубого лисьего меха, из-под которой виднелся край красного шерстяного колпака; жилет из красного плюша с огромными металлическими пуговицами; куртка из зеленого сукна, поверх которой была надета еще одна, большего размера, из грубого синего сукна, доходившая лишь до пояса, вроде спенсера. Ниже шли черные плюшевые бриджи, светло-голубые шерстяные чулки, туфли и широкие серебряные пряжки. Вокруг талии широким ремнем был подпоясан холщовый фартук, спускавшийся густыми складками почти до колен. За ремнем в ножнах из акулией кожи торчал большой нож с широким лезвием. Таков был наряд мынгеера Клоотса, капитана «Тер Шиллинга».

Капитан Клоотс был столь же высок, сколь и тучен. Лицо его имело овальную форму, а черты казались совсем мелкими по сравнению с его внушительным телосложением. Седеющие волосы трепал ветерок, а нос, хоть и совершенно прямой, на самом кончике горел огненно-красным цветом — от частого прикладывания к бутылке со шнапсом и от жара короткой трубки. Эта трубка почти никогда не покидала его губ, разве что когда нужно было отдать приказ или набить её заново.

— Доброе утро, сын мой, — проговорил капитан, на мгновение вынув трубку изо рта. — Нас задерживает суперкарго, который, похоже, не слишком-то торопится на борт. Шлюпка ждет его у берега уже целый час, и мы отойдем последними из всей флотилии. Хотел бы я, чтобы Компания позволяла нам ходить в море без этих господ — по мне, они только мешают делу. Но на берегу мыслят иначе.

— А в чем заключаются их обязанности на борту? — спросил Филипп.

— Их дело — следить за грузом и торговлей, и если бы они этим и ограничивались, всё было бы не так плохо. Но они лезут решительно во всё и ко всем, заботясь в основном о собственном комфорте. На борту они ведут себя как короли, зная, что мы не посмеем их обидеть: одно их слово — и кораблю откажут в следующем фрахте. Компания требует принимать их со всеми почестями. По их прибытии мы салютуем пятью пушечными выстрелами.

— А вы что-нибудь знаете о том, кого мы ждем?

— Ничего, кроме слухов. Один мой собрат-капитан, который с ним плавал, рассказывал, будто этот человек до смерти боится морских опасностей и непомерно раздут от собственного величия.

— Хотел бы я, чтобы он поскорее явился, — заметил Филипп. — Мне очень хочется поскорее выйти в море.

— Должно быть, у тебя бродяжья душа, сын мой. Я слышал, ты оставил уютный дом, да еще и красавицу-жену в придачу.

— Мне не терпится повидать мир, — ответил Филипп. — И я должен научиться управлять кораблем, прежде чем куплю собственный и попытаюсь нажить то богатство, к которому стремлюсь. («Ах, как же это бесконечно далеко от моих истинных желаний!» — с горечью подумал Филипп, давая такой ответ).

— Океан помогает нажить богатства, но он же их и поглощает, — философски заметил капитан. — Если бы я мог превратить этот славный корабль в хороший дом, да с кучей гульденов, чтобы в доме было тепло, ты бы не увидел меня на этом юте. Я огибал мыс Доброй

Надежды дважды, и для любого человека этого более чем достаточно. В третий раз удача может и изменить.

— Неужели там так опасно? — поинтересовался Филипп.

— Ровно настолько, насколько опасными могут быть приливы и течения, скалы и мели, жестокие штормы и тяжелые волны, — не больше! Даже когда бросаешь якорь в бухте по эту сторону мыса, стоишь на нем в страхе и трепете: тебя может сорвать с якоря и унести в открытое море или выбросить на берег к дикарям до того, как люди успеют натянуть штаны. Зато когда благополучно огибаешь мыс и оказываешься по ту сторону, вода словно пляшет и радуется в лучах солнца. Там можно идти неделями под безоблачным небом при попутном ветре, ни разу не тронув ни галса, ни шкота и не вынимая трубки изо рта.

— В какой же порт мы направимся, мынгеер?

— Об этом я пока мало что могу сказать. Первым местом сбора для всей флотилии, скорее всего, станет Гамбун в Персидском заливе. Там мы разделимся: одни корабли пойдут напрямиком к Бандаму на острове Ява, другие получают приказ торговать в проливах — выменивать камфору, смолу, бензойную настойку и воск. У местных также есть золото и слоновые бивни для обмена с нами. Если нас пошлют туда, вам следует держать ухо остро с туземцами, мынгеер Вандердекен. Они свирепы и вероломны, а их изогнутые кинжалы — крисы, как они их называют, — остры как бритва и смазаны смертельным ядом. Мне доводилось вести жаркие бои в тех проливах и с португальцами, и с англичанами.

— Но ведь сейчас мы все в мире.

— Оно верно, сын мой. Да только огибая мыс, не стоит слишком полагаться на бумаги, подписанные дома. Англичане сильно теснят нас и наступают на пятки, куда бы мы ни пошли. Их нужно сдерживать, и я подозреваю, что наша флотилия столь велика и хорошо вооружена именно в ожидании скорых военных столкновений.

— И как долго, по вашим расчетам, продлится наше плавание?

— Тут уж как повезет. Я бы сказал, года два. Ну а если факторы (торговые агенты) на берегу не задержит нас для какой-нибудь военной службы, — чего я, честно говоря, вполне ожидаю, — то, может, и того меньше.

«Два года, — подумал Филипп, — два года вдали от Аминь!» Он тяжело вздохнул, чувствуя всем сердцем, что эта разлука может оказаться вечной.

— Ну полно, сын мой, два года — не такой уж большой срок, — добродушно заметил мынгеер Клоотс, заметив набежавшую на чело юноши тень. — Мне как-то раз довелось отсутствовать целых пять лет, и та поездка вышла крайне неудачной: я не привез домой ничего, даже собственного корабля. Нас отправили в Читтагонг, что на восточном берегу великого Бенгальского залива, и мы три месяца простояли в реке. Местные вожди решили задержать меня силой; они отказывались обменивать мой товар и не позволяли мне уйти на другой рынок. Наш порох к тому времени уже выгрузили на берег, так что сопротивляться я не мог. В итоге корабельные черви насквозь проточили днище моего судна, и оно затонуло прямо на якоре. Эти проныры прекрасно знали, что так и будет, — они ждали этого, чтобы забрать весь груз за бесценок. Домой нас доставило уже другое судно. Если бы не то предательство, мне бы сейчас не пришлось снова выходить в море. Да и прибыли теперь крошечные — Компания строго-настрого запретила любую частную торговлю. О, однако вот и он, наконец-то! На флагштоке шлюпки подняли вымпел. Смотрите, они отчалили. Мынгеер Хиллебрант, проследите, чтобы канониры были наготове с пальными фитилями — встретим суперкарго салютом.

— А какие обязанности вы доверите мне? — спросил Филипп. — Чем я могу быть полезен?

— Пока от тебя мало толку, разве что в жестокий шторм, когда на счету каждая пара рук. Какое-то время тебе придется просто смотреть и учиться. Но ты можешь делать чистовую копию судового журнала для отчетности перед Компанией и помогать мне в разных мело-

чах, как только у тебя пройдет та неприятная дурнота, которая всегда настигает новичков в их первом плавании. В качестве средства от неё я бы посоветовал тебе потуже обвязать платок вокруг тела, чтобы сжать желудок, и почаще прикладываться к моей бутылке со шнапсом — она всегда к твоим услугам. Но довольно, пора встречать фактора нашей всемогущей Компании. Мынгеер Хиллебрант, пусть палят из пушек!

Грянули выстрелы. Едва рассеялся густой пороховой дым, шлюпка с длинным вымпелом, шлейфом тянувшимся по воде, подошла к борту. Филипп с любопытством ждал появления суперкарго, однако тот не спешил подниматься на палубу, пока наверх не перетащили несколько сундуков с инициалами и гербом Компании. Наконец предстал и сам суперкарго.

Историческая справка: В XVII—XVIII веках суперкарго (от исп. *sobrecargo*) обладал на борту торгового судна абсолютной властью над всеми коммерческими операциями. Капитан отвечал исключительно за навигацию и управление кораблем, в то время как финансовая судьба экспедиции целиком находилась в руках этого сухопутного чиновника, что нередко приводило к острым конфликтам на борту.

Это был маленький, худощавый, сморщенный человечек. На голове у него красовалась треуголка, обшитая широким золотым галуном, из-под которой ниспадал пышный аллонж (огромный парик с длинными локонами), закрывавший его плечи. Кафтан из малинового бархата имел широкие полы; жилет из белого шелка был расшит разноцветными цветами и доходил почти до колен. Ниже шли черные атласные бриджи, а ноги были обтянуты белоснежными шелковыми чулками. Добавьте к этому золотые пряжки на коленях и на туфлях, кружевные манжеты на запястьях и трость с серебряным набалдашником в руке — и перед читателем предстанет весь облик мынгеера Якоба Янза фон Строма, суперкарго Дочтенной Компании, назначенного на славный корабль «Тер Шиллинг».

Когда он огляделся вокруг, окруженный на почтительном расстоянии капитаном, офицерами и матросами корабля, стоявших с непокрытыми головами, это зрелище могло бы напомнить известную басню о «Обезьяне, повидавшей мир» в окружении своего племени. Впрочем, у моряков не возникло ни малейшего желания смеяться, даже над его необъятным париком: в ту эпоху к дорогому платью относились с глубоким почтением. И хотя в мынгеере фон Стrome невозможно было признать моряка, все знали, что он — суперкарго Компании и птица высокого полета. Поэтому ему оказали всё почтение, причитающееся столь важной особе.

Мынгеер фон Стром, однако, судя по всему, не слишком горел желанием оставаться на палубе. Он попросил проводить его в каюту и последовал за капитаном на корму, осторожно пробираясь между бухтами канатов, которыми был загроможден его путь. Дверь открылась, и суперкарго скрылся за ней. Тем временем судно снялось с якоря, матросы отошли от брашпиля, паруса были подрезаны, и люди как раз закрепляли якорь на борту, когда колокольчик ютовой каюты (отведенной суперкарго) неистово зазвонил.

— Что там еще такое? — спросил мынгеер Клоотс, находившийся на баке, и вынул трубку изо рта. — Мынгеер Вандердекен, не посмотрите ли вы, в чем дело?

Филипп отправился на корму под несмолкаемый трезвон колокольчика. Отперев дверь каюты, он обнаружил суперкарго, который взобрался на стол и дергал за висевший прямо по центру шнур, причем на его лице отражался крайний ужас. Парик с него слетел, и голый череп придавал ему на редкость нелепый вид.

— Что случилось, сударь? — поинтересовался Филипп.

— Что случилось?! — пролепетал мынгеер фон Стром. — Зовите солдат с ружьями! Живее, сударь! Меня что, убьют, разорвут на куски и сожрут? Ради всего святого, сударь, не глазейте, а сделайте же что-нибудь — глядите, оно ползет к столу! О боже! О боже! — продолжал суперкарго, явно перепуганный до смерти.

Филипп, чьи глаза до этого были прикованы к мынгееру фон Стром, перевел взгляд в указанном направлении и, к огромному своему изумлению, увидел на полу маленького мед-

ведя. Тот вовсю забавлялся пышным париком суперкарго: держал его в лапах, подбрасывал, а время от времени и вовсе зарывался в него мордой. Неожиданное появление зверя поначалу ошеломило Филиппа, но, поразмыслив секунду, он сообразил, что животное, должно быть, безобидно, иначе его ни за что не оставили бы бегать по кораблю на свободе.

Тем не менее у Филиппа не было ни малейшего желания приближаться к медведю, чей нрав ему был неизвестен, но появление мынгеера Клоотса разрешило эту трудность.

— В чем дело, мынгеер? — спросил капитан. — А! Вижу. Это Йоханнес, — продолжал капитан, approaching к медведю и награждая его пинком, одновременно подбирая парик суперкарго. — Пошел вон из каюты, Йоханнес! Вон, сударь! — кричал мынгеер Клоотс, пиная медведя под зад, пока зверь не выскочил за дверь. — Мынгеер фон Стром, мне очень жаль... вот ваш парик. Закройте дверь, мынгеер Вандердекен, а то тварь может вернуться, она ведь меня очень любит.

Когда дверь между мынгеером фон Стромом и предметом его ужаса закрылась, человек сполз со стола на стоявший рядом стул с высокой спинкой, расправил примятые локоны своего парика и водрузил его обратно на голову. Затем он расправил манжеты, принял вид судейской важности, стукнул тростью о палубу и только тогда заговорил.

— Мынгеер Клоотс, как следует понимать это неуважение к суперкарго всемогущей Компании?

— Боже на небесах! Никакого неуважения, мынгеер. Это животное — медведь, как вы видите; он очень ручной, даже с незнакомцами. Он принадлежит мне. Он у меня с трехмесячного возраста. Это чистая случайность. Помощник, мынгеер Хиллебрант, запер его в каюте, чтобы тот не путался под ногами во время работы, и совершенно позабыл, что он здесь. Мне очень жаль, мынгеер фон Стром; но он больше сюда не придет, если только вы сами не пожелаете с ним поиграть.

— Поиграть с ним! Я! Суперкарго Компании, играть с медведем! Мынгеер Клоотс, животное должно быть немедленно выброшено за борт.

— Ну нет, нет; я не могу выбросить за борт животное, к которому питаю большую привязанность, мынгеер фон Стром; но он вас не беспокоит.

— В таком случае, капитан Клоотс, вам придется иметь дело с Компанией, перед которой я изложу это происшествие. Ваш фрахт будет аннулирован, а плата за провоз — конфискована.

Клоотс, как и большинство голландцев, был довольно упрям, и это повелительное поведение со стороны суперкарго вызвало у него раздражение.

— В чартере нет ничего, что запрещало бы мне держать на борту животное, — ответил Клоотс.

— По правилам Компании, — отозвался фон Стром, с важным видом откидываясь на спинку стула и скрестив свои худые ноги, — от вас требуется принимать на борт редких и диковинных зверей, присылаемых домой губернаторами и факторами для преподнесения коронованным особам, — таких как львы, тигры, слоны и прочие порождения Востока; но ни в коем случае командирам зафрахтованных судов не разрешается брать на борт ради собственной выгоды животных любого рода, что должно расцениваться как преступление частной торговли.

— Мой медведь не для продажи, мынгеер фон Стром.

— Он должен быть немедленно удален с корабля, мынгеер Клоотс; я приказываю вам отослать его, — вы отказываетесь на свой страх и риск.

— Тогда мы снова отдадим якорь, мынгеер фон Стром, и отправим посыльного на берег в штаб-квартиру, чтобы решить этот вопрос. Если Компания потребует высадить тварь на берег, пусть будет так; но учтите, мынгеер фон Стром, мы лишимся защиты флота и нам придется плыть в одиночку. Мне отдавать якорь, мынгеер?

Это замечание поубавило упорства суперкарго; у него не было никакого желания плыть в одиночку, и страх перед подобным исходом оказался сильнее страха перед медведем.

— Мынгеер Клоотс, я не буду слишком суров; если животное посадят на цепь, чтобы оно не приближалось ко мне, я соглашусь оставить его на борту.

— Я буду держать его как можно дальше от вас; но что касается того, чтобы заковать бедное животное на цепь, оно будет выть день и ночь, и вы лишитесь сна, мынгеер фон Стром, — ответил Клоотс.

Суперкарго, видя, что капитан непреклонен, а его собственные угрозы пропущены мимо ушей, сделал единственное, что оставалось человеку в его безвыходном положении. Мысленно поклявшись отомстить, он с выражением снисходительности на лице заметил:

— На этих условиях, мынгеер Клоотс, ваше животное может оставаться на борту.

Мынгеер Клоотс и Филипп вышли из каюты. Капитан, находившийся не в лучшем расположении духа, на ходу проворчал:

— Если уж Компания присылает на борт своих обезьян, то я вполне имею право держать своего медведя.

Довольный собственной шуткой, мынгеер Клоотс тут же вернул себе доброе расположение духа.

Историческая справка: В оригинальном тексте Марриэт иронично описывает начало Восьмидесятилетней войны (1568—1648 гг.) между Нидерландами и Испанией. Автор с характерным британским юмором высвечивает мрачные реалии эпохи религиозных войн и зарождение могущества Голландской колониальной империи.

Заметка на полях: Капитан Марриэт в оригинале допустил пару забавных исторических ляпов, которые в переводе пришлось слегка сгладить для исторической точности. Во-первых, он написал «лучшая часть пятнадцатого века» (fifteenth century), хотя имел в виду шестнадцатый (1500-е годы), ведь Васко да Гама поплыл только на исходе 1490-х. Во-вторых, он выразился, что Кромвель «узурпировал трон» в 1650 году. Как мы помним, трон англичане к тому моменту вообще упразднили вместе с королем, а Кромвель официально стал Лордом-протектором чуть позже — в 1653-м.

Морской глоссарий:

— **Когорн и патераро** — старинные типы мелкокалиберных гладкоствольных орудий (мортирок и дробовиков), использовавшиеся для отражения абордажных атак.

— **Блинд и бом-блинд** — прямые паруса, ставившиеся под бушпритом.

— **Латинский рей** — длинный наклонный рей, по форме характерный для косых парусов старинных каравелл и галеонов.

Историко-географический комментарий:

— **Гамбрун (Бендер-Аббас)** — стратегически важный порт в Персидском заливе, бывший в XVII веке крупным торговым узлом Голландской Ост-Индской компании.

— **Бензойная смола (росный ладан)** — ароматная смола, добываемая из деревьев рода Стиракс на Суматре; высоко ценилась в Европе для парфюмерии и медицины.

— **Крис** — традиционный малайский и индонезийский кинжал с характерным волнообразным лезвием.

Глава 9 — IX

Предоставим Ост-Индскому флоту идти своим путем к мысу при самых разнообразных ветрах и погоде. Некоторые суда разошлись в море, но местом общего сбора была объявлена Столовая бухта, откуда им предстояло снова выйти вместе.

Филипп Вандердекен вскоре начал приносить кораблю некоторую пользу. Он усердно изучал свое дело: работа мешала ему слишком много думать о причине своего плавания, и он тяжело трудился на благо судна, поскольку эти усилия даровали ему сон, в котором иначе ему было бы отказано.

Вскоре он стал любимцем капитана и сблизился с Хиллебрантом, первым помощником; второй же помощник, Стрюйс, был нелюдимым молодым человеком, с которым Филипп почти не общался. Что касается суперкарга, мынгееера Якоба Янза фон Строма, то он редко отваживался выходить из каюты. Медведя Йоханнеса не стали запирасть, а потому мынгееер фон Стром заперся сам. Едва ли проходил день, чтобы он не перечитывал составленное им по этому поводу письмо, полностью готовое к отправке в Компанию; и всякий раз, перечитывая его, он вносил какое-нибудь изменение, которое, по его мнению, придавало жалобе дополнительный вес и должно было еще сильнее повредить интересам капитана Клоотса.

Тем временем, пребывая в счастливом неведении относительно происходящего в ютовой каюте, мынгееер Клоотс курил трубку, пил шнапс и играл с Йоханнесом. Зверь также проникся большой привязанностью к Филиппу и часто ходил вместе с ним на вахту.

На корабле был еще один человек, которого мы не должны выпускать из виду — одноглазый лоцман Схрифтен. Он, казалось, питал глубокую враждебность как к нашему герою, так и к его бессловесному любимцу медведю. Поскольку Филипп занимал должность офицера, Схрифтен не осмеливался оскорблять его открыто, хотя пользовался любым случаем, чтобы досадить ему, и постоянно чернил его перед судовой командой. По отношению к медведю он проявлял злобу куда более открыто и редко проходил мимо, не наградив его сильным пинком в сочетании с ужасным проклятием. Хотя на борту, похоже, никто не любил этого человека, все, как один, его боялись, и он приобрел над матросами власть, казавшуюся необъяснимой.

Таково было положение дел на борту славного корабля «Тер Шиллинг», когда в компании двух других судов он попал в штиль примерно в двух днях пути от мыса. Стояла невыносимая жара, поскольку в этих южных широтах было лето, и Филипп, лежавший под натянутым над ютом тентом, так разморился от зноя, что крепко заснул. Он проснулся от ощущения пронизывающего холода по всему телу, особенно в груди, и, приоткрыв глаза, увидел склонившего над ним лоцмана Схрифтена. Тот держал двумя пальцами часть цепочки, которая не была скрыта одеждой и на которой висела священная реликвия. Филипп снова закрыл глаза, чтобы выяснить намерения этого человека: он почувствовал, как тот осторожно вытягивает цепочку и, когда реликвия показалась снаружи, пытается перекинуть её через его голову, явно желая завладеть ею. При этой попытке Филипп вскочил и схватил его за пояс.

— Вот как! — воскликнул Филипп с негодованием во взгляде, высвобождая цепочку из рук лоцмана.

Но Схрифтен ничуть не смутился тем, что его застали за этим занятием. Уставившись на Филиппа своим злобным единственным глазом, он с издевкой заметил:

— Уж не портрет ли ее висит на этой цепочке? Хи-хи!

Вандердекен поднялся, оттолкнул его и скрестил руки на груди.

— Советую вам не совать нос не в свои дела, господин лоцман, иначе пожалеете.

— А может быть, — продолжал лоцман, совершенно не обращая внимания на гнев Филиппа, — это детская сорочка, верное средство от утопления?

— Ступайте на бак и занимайтесь своим делом, сударь! — прикрикнул Филипп.

— Или, раз уж вы католик, это ноготь какого-нибудь святого? Или... ну конечно, я угадал — кусочек Святого Креста!

Филипп вздрогнул.

— Точно! Точно! — закричал Схрифтен, направляясь к матросам, стоявшим у штурм-трапа. — Новости для вас, ребята! — объявил он. — У нас на борту кусочек Святого Креста, так что теперь нам сам черт не брат!

Филипп, сам толком не зная почему, последовал за Схрифтенем, когда тот спускался по ютовому трапу, и оказался на шканцах как раз в тот момент, когда лоцман обратился к команде.

— Да уж! — ответил лоцману один старый матрос. — Теперь нам не страшен не только черт, но и сам Летучий Голландец в придачу.

«Летучий Голландец? — подумал Филипп. — Неужели это имеет отношение к...?» Он сделал шаг или два вперед и укрылся за грот-мачтой, надеясь разузнать подробности, если они продолжат этот разговор. И ожидания его оправдались.

— Говорят, встретить его — это похуже, чем встретить самого дьявола, — заметил другой матрос.

— А кто его видел-то? — спросил еще один.

— Видеть-то видели, это уж точно. И так же точно то, что судно, которому он повстречается, ждет беда.

— А где на него можно наткнуться?

— Ну, насчет этого говорят по-разному, но вообще он крейсирует у мыса.

— Хотелось бы мне знать всю эту историю от начала до конца, — произнес третий.

— Я могу рассказать лишь то, что сам слышал. Это проклятый корабль. Прежде они были пиратами и, кажется, перерезали горло своему капитану.

— Нет, нет! — выкрикнул Схрифтен. — Капитан и сейчас на ней, и мерзавец он был порядочный. Говорят, он, совсем как кое-кто из ныне находящихся на нашем борту, оставил дома очень хорошенькую жену и очень ее любил.

— Откуда же им это известно, лоцман?

— А потому, что когда он встречает суда, то всегда пытается передать с ними письма домой. Но горе тому кораблю, который возьмет эти письма! Он обязательно погибнет, и вся команда вместе с ним!

— Интересно, и где только ты всего этого наслушался, — заметил один из матросов. — Ты сам-то видел этот корабль?

— Да, видел! — пронзительно закричал Схрифтен. Но, словно вовремя спохватившись, он сбавил тон, перешел на свое обычное хихиканье и добавил: — Но нам-то бояться ее нечего, ребята, у нас ведь на борту кусочек истинного Креста.

Схрифтен направился к корме, явно желая избежать дальнейших расспросов, и тут заметил Филиппа возле грот-мачты.

— Ага, значит, не я один такой любопытный? Хи-хи! Скажите на милость, вы не потому ли принесли эту штуку на борт, на случай если мы повстречаем Летучего Голландца?

— Я не боюсь никакого Летучего Голландца, — смутившись, ответил Филипп.

— Кстати, теперь, когда я об этом подумал... ведь вы носите ту же фамилию. По крайней мере, поговаривают, будто его звали Вандердекен — а?

— В мире много других Вандердекенов, кроме меня, — ответил Филипп, к которому уже вернулось самообладание. С этими словами он повернулся и пошел обратно на ют.

«Можно было бы подумать, будто этот злобный одноглазый негодяй знает о причине моего путешествия, — размышлял Филипп, — но нет! Этого не может быть. Почему же я ощущаю такой холод всякий раз, когда он приближается ко мне? Интересно, чувствуют ли это другие, или же это просто наша с Амине выдумка? Я не смею задавать вопросы. Странно и то, что этот человек питает ко мне такую злобу. Я никогда не причинял ему вреда. То, что я сейчас

услышал, подтверждает всё; но в подтверждениях я и не нуждался. О, Амине! Амине! Если бы не ты, я бы с радостью разгадал эту загадку ценой собственной жизни. Господи, по милости Своей останови эти мысли, — пробормотал Филипп, — иначе мой разум не выдержит!»

Через три дня «Тер Шиллинг» и сопровождавшие его корабли прибыли в Столовую бухту, где обнаружили остальную часть флота, стоявшую на якоре в ожидании их. Как раз в тот период голландцы основали поселение на мысе Доброй Надежды, где Ост-Индские флотилии обычно запасались водой и меняли скот у готтентотских племен, живших на побережье. Те за медную пуговицу или большой гвоздь охотно отдавали откормленного быка. Несколько дней ушло на то, чтобы пополнить запасы воды на эскадре. Затем корабли, получив от адмирала инструкции касательно места сбора на случай разделения и завершив все приготовления к ожидавшейся непогоде, снова снялись с якоря и продолжили свой путь.

В течение трех дней они лавировали против легких и встречных ветров, продвигаясь вперед очень медленно. На третий день с юга подул сильный бриз, который вскоре перерос в шторм, и флот отнесло к северу от бухты. На седьмой день «Тер Шиллинг» остался в одиночестве, но погода к тому времени утихла. На судне снова поставили паруса и повернули нос к востоку, чтобы подойти ближе к земле.

— Досадно, что мы так разминутись со всеми нашими спутниками, — заметил мын-геер Клоотс Филиппу, когда они стояли у штормтрапа. — Однако дело близится к полудню, и солнце позволит мне определить нашу широту. Трудно сказать, насколько далеко на север нас увлекло штормом и течениями. Мальчик, принеси мой градусник и смотри не стукни его обо что-нибудь, пока будешь подниматься.

Градусник в те времена был простым инструментом, использовавшимся для определения широты, которую опытный наблюдатель мог вычислить с точностью до пяти или десяти миль. Квадранты и секстанты были изобретены гораздо позже. В самом деле, если учесть, как мало наши предки знали о навигации и магнитном склонении, и то, что их продвижение на восток или запад могло быть рассчитано лишь методом счисления пути, остается только поражаться, как они пересекали океаны с относительно небольшим числом крушений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.